

А. Г. МОЩЕНСКАЯ
А. Р. СУПРУН-БЕЛЕВИЧ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ТЕКСТЫ И ЗАДАНИЯ

А. Г. МОЩЕНСКАЯ
А. Р. СУПРУН-БЕЛЕВИЧ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ТЕКСТЫ И ЗАДАНИЯ

Пособие для студентов
филологического факультета
специальности 1-21 05 02
«Русская филология»

МИНСК
БГУ
2008

УДК 811.161.1(091)(07)
ББК 81.2Рус-03-923
М74

Рекомендовано Ученым советом
филологического факультета
25 октября 2007 г., протокол № 2

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*;
кандидат педагогических наук, доцент *А. В. Верниковская*

Моценская, Л. Г.

М74 История русского литературного языка : тексты и задания : пособие для студентов филол. фак. спец. 1-21 05 02 «Русская филология» / Л. Г. Моценская, Л. Р. Супрун-Белевич. – Минск : БГУ, 2008. – 100 с.

ISBN 978-985-485-972-9.

Пособие содержит тексты, представляющие собой образцы русского литературного языка разных стилей и исторических этапов. Каждый текст сопровождается кратким комментарием. Во введении дается подробная схема для анализа текстов на различных языковых уровнях. Тексты разной степени сложности подобраны с учетом разнообразия жанров древнерусской литературы и их функциональной направленности, что должно стимулировать творческий подход к изучению истории русского литературного языка.

Для студентов филологического факультета специальности 1-21 05 02 «Русская филология».

УДК 811.161.1(091)(07)
ББК 81.2Рус-03-923

ISBN 978-985-485-972-9

© Моценская Л. Г.,
Супрун-Белевич Л. Р., 2008
© БГУ, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость данного пособия обусловлена двумя причинами: во-первых, образовательной, художественной и этической значимостью текстов эпохи Киевского государства и феодальной раздробленности (периода первого южнославянского влияния), во-вторых, недостаточным распространением некоторых текстов в учебной литературе. Для анализа предлагаются оригинальные тексты, наиболее полно отражающие жанровое и стилистическое разнообразие письменной культуры XI-XVII вв. Размеры текстов в упражнениях определяются целевой направленностью задания.

Выполнению упражнений должно предшествовать изучение студентами соответствующих параграфов и глав учебников по истории русского литературного языка, а также методических указаний к данному пособию, в которых перечислены основные признаки нормы русского литературного языка XI – середины XVII в. и отклонения от нее под воздействием живой восточнославянской речи.

При анализе любого текста студенты должны пользоваться следующей схемой:

- 1) путем сопоставительного анализа выявить фонетические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические особенности, относящиеся к церковнославянским (книжно-славянским) и восточнославянским языковым элементам;
- 2) сделать вывод о языковой основе текста;
- 3) определить его жанровую разновидность;
- 4) выяснить статус текста по отношению к литературному языку;
- 5) охарактеризовать разновидность его нормы: церковнославянской, строгой и сниженной, вариативной, или древнерусской;
- 6) определить изобразительные и выразительные средства.

Комплексный подход к анализу памятников поможет выявить книжную норму русского литературного языка XI—XVII вв., глубже проникнуть в художественную систему текстов, которая сохранилась в современном русском литературном языке, и оценить высокую языковую и речевую культуру прежних писателей, оставивших своим потомкам пример бережного отношения к слову.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К АНАЛИЗУ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XI-XIV ВЕКОВ

Независимо от разного понимания истоков русского литературного языка старшей поры (см. концепции А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова), неоднозначных взглядов на языковую ситуацию Древней Руси (церковнославянско-русское двуязычие или церковнославянско-русская диглоссия), спорных утверждений о принадлежности определенных текстов к статусу литературных (книжных) или нелитературных (некнижных), письменные памятники этого периода традиционно подразделяются на три группы: памятники церковнославянского языка (книжно-славянский тип по определению В. В. Виноградова), компромиссные памятники письменности (народно-литературный тип по определению В. В. Виноградова) и памятники делового языка (тексты деловой, юридической и бытовой письменности). Именно совокупность речевых норм памятников письменности Киевской Руси с учетом их жанровой характеристики и функциональной направленности в обеспечении религиозной (культовой), культурной жизни восточнославянского этноса и дает в конечном счете представление о литературном языке данного периода, его норме, функционировании.

Исходя из идеологической направленности курса истории русского литературного языка, разработанного Б. А. Успенским с позиции церковнославянско-русской диглоссии, в Древней Руси существовал один литературный (книжный) язык, церковнославянский, адаптированный к восточнославянской (древнерусской) языковой почве, и письменный (некнижный, нелитературный), представленный деловыми, юридическими и бытовыми памятниками письменности. Промежуточное место между ними занимали компромиссные памятники письменности, в которых отчетливо перемежались контексты, написанные на книжном и некнижном языках, т. е. происходила смена языковых кодов в зависимости от объективной или субъективной модальной установки авторов текстов. Эти памятники традиционно относятся к народно-литературному типу литературного языка. В отличие от церковнославянских текстов с последовательной, строгой книжной нормой компромиссные памятники имели вариативную норму, и эта вариативность была основным признаком данной нормы.

Ведущей проблемой истории русского литературного языка является выявление соотношения церковнославянской и восточнославянской (древнерусской) языковых стихий в разные периоды его развития и выполнения общественно-культурных функций. Поэтому при анализе язы-

ка текстов важно определить соотношение церковнославянских и древнерусских языковых элементов на всех языковых уровнях. Максимально упрощенная графика и орфография фрагментов текстов, предложенных для анализа позволяет дать самое приблизительное представление об исходной орфографической системе. В связи с этим основное внимание должно уделяться другим языковым уровням (фонетическому с выяснением реализаций праславянских рефлексов, морфологическому, синтаксическому, лексическому, словообразовательному, текстуальному), которые в совокупности дадут объективное представление о языковой основе памятника, соотношении церковнославянских и древнерусских языковых черт, выразительной структуре текста, его норме и в целом выявить его литературный (книжный) статус. Следует помнить о том, что в процессе адаптации старославянского языка (церковнославянского языка болгарского извода) к древнерусской почве некоторые черты живого языка приобрели признак литературной (книжной) нормы, т. е. вошли в древнерусский извод церковнославянского языка, другие остались за пределами книжной нормы и функционировали в текстах в качестве ошибочных употреблений. Для более целенаправленного анализа текстов приведем основные характеристики литературного языка XI–XIV вв. Эти данные приводятся из учебника Б. А. Успенского.

ПРИЗНАКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ РЕДАКЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СТАРОСЛАВЯНСКИМ

1. Фонетические явления.

1.1. **Рефлексы *dj.** Старославянскому сочетанию *жд*, восходящему к общеславянскому сочетанию *dj, в древнерусском языке соответствует *жс*, и эта параллель становится нормативной специфической чертой древнерусского извода церковнославянского языка XI – XIV вв.: ст.-сл. *межда*, др.-рус. *межа*, ц.-сл. *межа*.

1.2. **Рефлексы *tj, *kt** (в условиях первой палатализации). В то время как в старославянском языке на месте *tj и *kt произносилось *шт*, в церковнославянском произносилось *шч*, что на письме передавались графемами *ш* и *шч*: ст.-сл. *свѣшта*, ц.-сл. *свѣшча* или *свѣща*.

1.3. **Употребление ѣ, ѥ.** По сравнению со старославянскими текстами в древнерусских церковнославянских рукописях до середины XII в. под влиянием живого произношения более последовательно употребляются *ѣ* и *ѥ*. Пропуск *ѣ* и *ѥ* в русских памятниках встречается в небольшой группе слов под влиянием южнославянской орфографической традиции

(кто, много, все, книга и ряде других): *въбързѣ, възъти, сьрдьчьною, посьлании*.

1.4. Сочетание ъ и ь с плавными. Старославянским **ѣ, ѣ** после плавных **р, л**, восходящих к общеславянским слоговым ***r, *l**, в древнерусском церковнославянском под влиянием живого произношения соответствует **ѣ, ѣ** перед плавными: ст.-сл. *трѣгѣ, сьмрьть, длѣгѣ, врѣхѣ*; в ц.-сл. *тѣргѣ, сьмрьть, длѣгѣ, врѣхѣ*.

1.5. Книжное произношение ѣ и ѣ в древнейший период. Особенностью русских церковнославянских памятников является смешение **ѣ, ѣ** с **о, е**, а именно, появление **о, е** на месте **ѣ, ѣ** и появление **ѣ, ѣ** на месте **о, е**. Появление **о, е** на месте **ѣ, ѣ** наблюдается при этом как в сильной, так и слабой позиции и не имеет отношения к процессу прояснения редуцированных в восточнославянских говорах. Такие написания отражают специфику книжного (церковного) произношения **ѣ** и **ѣ**, которое подчинялось правилу: «в любой позиции **ѣ** произносится как **о, ѣ** – как **е**». Отсюда появляются написания типа *золоба (зѣлоба), весе (вѣсь), назовало (назѣваль), намо (намѣ), сопасо (сѣпасѣ)*.

1.6. Книжное произношение г. Под влиянием живого произношения южных восточнославянских говоров в древнерусской редакции церковнославянского языка произносился фрикативный **г** вместо смычного. Фрикативное произношение **г** отражалось в текстах в виде редких ошибок смешения **г** с **х**, либо опущения буквы **г**: *ходѣ (годѣ), хроушѣ (гроушѣ), сьграни (сьхрани), осподѣ (господѣ), осподарѣ (господарѣ)*.

1.7. Отражение *er в межконсонантной позиции. Старославянскому сочетанию **рѣ**, восходящему к общеславянскому ***er** между согласными, в древнерусском изводе церковнославянского языка регулярно соответствует **ре** (в разговорном древнерусском языке в этих случаях соответствует полногласное сочетание **-ере-**): ст.-сл. *брѣгѣ, прѣ-*; ц.-сл. *брегѣ*, приставка *пре-*; др.-рус. *берегѣ*, приставка *пере-*.

2. Морфологические отличия церковнославянского от старославянского языка.

2.1. Окончания тв. падежа ед. числа. Старославянским флексиям тв. ед. **-омь, -емь** соответствуют в церковнославянском языке древнерусского извода флексии **-ьмь, -ьмь**, которые писцы писали под влиянием своего живого произношения: ст.-сл. *ськрушеномь срьдцемь*, ц.-сл. *ськрушенѣмь срьдцѣмь*.

2.2. Флексия -ѣ вместо старославянского юса малого (в текстах -я) в мягкой разновидности склонений. В мягких вариантах **о**-склонения (вин. пад.) и **а**-склонения существительных (род. ед., им. и вин. мн.) старославянскому окончанию **-я** в церковнославянском под

влиянием живого языка может соответствовать **-ѣ**: ст.-сл. *отъ земля* (род. пад.), ц.-сл. *отъ землѣ*. Обе флексии были нормативными. В местоименном склонении (и в склонении членных прилагательных) соответствующие падежные формы на **-ѣ** выходят за рамки нормы церковнославянского языка: *за моѣ дѣти, отъ новоѣ землѣ*.

2.3. Окончания прилагательных в дат. падеже ед. числа. Старославянским окончаниям **-уемоу, -юемоу, -умоу, -юмоу** прилагательных в дат. падеже ед. числа муж. / ср. рода в древнерусском изводе церковнославянского языка соответствуют окончания **-ому, -ему**: ст.-сл. *новому*, ц.-сл. *новому*.

2.4. Окончание 3 л. наст. времени. Старославянскому окончанию **-тъ** у глаголов 3 л. наст. времени (ед. и мн. числа) соответствует в церковнославянском языке древнерусского извода окончание **-тъ**: ст.-сл. *береть*, ц.-сл. *береть*.

2.5. Окончания имперфекта и аориста. В отличие от старославянского языка в церковнославянском языке возможно окончание **-тъ** в форме 3 л. имперфекта (ед. и мн. числа) и аориста (в ед. числе): ст.-сл. **видѣаше**, ц.-сл. *видяашеть*, ст.-сл. *видѣаху*, ц.-сл. *видяахуть*; ст.-сл. **нача**, ц.-сл. *начать* или *начать*; ст.-сл. *отъиде*, ц.-сл. *отъидеть*. В формах с окончанием **-тъ** можно видеть результат контаминации церковнославянских форм имперфекта и древнерусских форм настоящего времени.

2.6. Основа имперфекта. Старославянскому показателю имперфекта **-ѣа-** соответствует в церковнославянском языке древнерусского извода **-яа-**: ст.-сл. *бѣаху*, ц.-сл. *бяху*. Аналогичным образом, в стяженных формах старославянскому показателю **-ѣ** соответствует **-я-**: ст.-сл. *видѣхъ*, ц.-сл. *видяхъ*. Так как в живой древнерусской речи имперфект вообще не был известен, параллели церковнославянского языка древнерусского извода, по мнению исследователей, отражают произношение южных славян.

ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИМ И ДРЕВНЕРУССКИМ ЯЗЫКОМ

1. Наддиалектные фонетические явления.

1.1. Рефлексы *or *ol перед согласными. В соответствии с общеславянскими ***or, *ol** в позиции перед согласным в церковнославянском языке употребляется **ра, ла**, в древнерусском языке – **ро, ло**, исключение составляют рефлексы данных сочетаний под восходящей интонацией, которые в восточнославянских диалектах давали **ра-, ла-** (*рало, лань*). Вне этих условий в церковнославянском находим *равный, работа, раз-, ладья*, в древнерусском – *робота, ровный, роз-, лодка*.

1.2. **Полногласие.** Церковнославянские формы противостоят древнерусским полногласным: *градъ – городъ, гласъ – голось, брегъ – берегъ, плѣнь – полонь*. В современном русском языке неполногласные формы могут не иметь русских полногласных коррелятов (*время, благо*) или противопоставляться им стилистически (*хлад – холод*), а иногда и семантически (*бремя – беременный*).

1.3. **Рефлексы *tj *kt.** Церковнославянское *щ* из **tj, *kt* соответствует древнерусскому *ч*: ц.-сл. *свѣща*, др.-рус. *свѣча*, ц.-сл. *хощеши*, др.-рус. *хочеши*.

1.4. **Йотация перед а в начале слова.** Церковнославянское [а] в начале слова соответствует восточнославянскому [ja]: ц.-сл. *агня*, др.-рус. *ягня*. В общеславянском языке слова не начинались с [а], за исключением союза (частицы) *а* и производных форм (др.-рус. *аже, аче*). Слова, которые всегда имеют *а-*, это или заимствования (например, *ангелъ*), либо слова, в которых общеславянские **or, *ol* дали не *ла, ра*, а *ал-, ар-* (например, *алкати*, не *лакати*; *алдия*, не *ладия*).

1.5. **Соответствие е – о в начале слова.** Церковнославянскому *е* в начале слова соответствует в некоторых случаях древнерусское *о*: ц.-сл. *езеро*, *едѣва*, *елень единь*, др.-рус. *озеро*, *одѣва*, *олень*, *одинь*.

2. Диалектные фонетические отличия.

2.1. **Характер противопоставления *v, *и.** Особенностью южных (галицко-волинских) и западных (белорусских) рукописей является смешение *в* и *у*: *навѣчиша* и *научиша*, *въмыеши* и *умыеши*, *у Ризѣ*.

2.2. **Переход е в о.** Переход *е* в *о* после шипящих и *ј* характеризует большую часть восточнославянских говоров: *чоловѣка, мужомъ, бывѣшомъ*. После падения редуцированных в говорах, которые последовательно развивают корреляцию мягких и твердых согласных переход *е* в *о* имеет место после мягкого согласного перед твердым под ударением, в других говорах безотносительно к ударению. Переход *е* в *о* не отразился на церковнославянском произношении, по этому признаку могут определяться славянизмы в современном русском литературном языке: *падеж – падёж, небо – нёбо*.

2.3. **Отражение второй палатализации.** В новгородско-псковских говорах не имело место процесс второй палатализации, поэтому церковнославянские и живые формы противопоставлялись по этому признаку: *цѣлый – кѣлый, на брезѣ – на берегу*.

2.4. **Неразличение аффрикат (цоканье).** Для новгородско-псковских, смоленско-полоцких и тверских говоров *ц* и *ч* совпадали в одном согласном, поэтому в древнерусских текстах, написанных на этой

территории, наблюдается смешение букв *ц* и *ч*: *лица* вместо *лица*, *съконьца* вместо *съконьча*.

2.5. Неразличение шипящих и свистящих. Для псковской территории характерно неразличение шипящих и свистящих, в псковских памятниках наблюдается смешение букв *ш* с *с*, *ж* с *з*: *в затву* вместо *в жатву*, *жимою* вместо *зимою*, *до шего дне* вместо *до сего дне*.

3. Морфологические явления именного и местоименного склонения.

3.1. Перегруппировка типов склонения. В восточнославянских говорах шла перегруппировка типов склонения, в результате этого процесса появились синонимичные флексии в род. падеже ед. числа *-у/-ю* и *-а/-я* (*от льну*, *от бою* и *от льна*, *от боя*), в местн. падеже ед. числа – *-ѣ (-е)/-у/-ю* (*на пирѣ*, *на пиру*), в род. падеже мн. числа – *-ов/-ев* (*столовь*, *хлѣбовь*). В церковнославянских текстах последовательно сохранялись исконные формы (*от боя*, *на пирѣ*, *семь хлѣбь*).

3.2. Основы на *s. Падежные формы на – *-ес-* типа *словесе*, *небесе* являются специфически книжными, поскольку в живом древнерусском языке им соответствуют формы с основой, равной основе им. падежа: *неба*, *слова*.

3.3. Местоимения в дат. и местн. пад. ед. ч. Церковнославянским местоимениям *тебѣ*, *себѣ* соответствуют древнерусские местоимения *тобѣ*, *собѣ*.

3.4. Прилагательные в им. пад. ед. ч. Церковнославянским прилагательным на *-ый*, *-ий* в древнерусском языке в результате прояснения редуцированных в сильной позиции соответствовали окончания *-ой*, *-ей*. Написания с *-ой*, *-ей* отмечаются со второй половины XIII в.: *чудный* – *чудной*, *благий* – *благой*.

3.5. Прилагательные в косвенных падежах. В древнерусском языке парадигма прилагательных испытывает влияние местоименного склонения в силу чего появляются соответствия в род. пад. ед. ч. ж. рода в ц.-сл. *добрыя*, в др.-рус. *доброѣ*; в дат. и мест. пад. ед. ч. ж. р. в ц.-сл. *добрѣи* в др.-рус. *доброи*; в мест. пад. ед. ч. м. и ср. р. *добрѣмь / добремь*, др.-рус. *доброть*; в род. пад. ед. ч. м. и ср. р. *добрааго / добраго*, *синяаго / синяго*, в др.-рус. *доброаго*, *синяаго*.

4. Морфологические явления глагольного словоизменения, не относящиеся к системе прошедших времен.

4.1. Показатель инфинитива. Церковнославянскому показателю инфинитива *-ти* соответствует древнерусский показатель *-ть*, который отражен в письменных памятниках с XI–XII вв.

4.2. **Показатель 2 л. ед. числа наст. времени.** Церковнославянскому показателю 2 л. ед. числа наст. времени *-шии* соответствует древнерусский показатель *-шь*, который спорадически отражается в текстах со второй половины XII в.

4.3. **Некоторые диалектные особенности: показатель 3 л. наст. времени.** В ряде восточнославянских говорах в окончаниях 3 л. ед. и мн. числа наст. времени могло отсутствовать *-ть*: *напише* (вместо *напишет*), *буду* (вместо *будут*).

5. **Морфологические признаки причастий.** Употребление причастий становится одним из самых ярких признаков книжности, т. к. в ходе развития древнерусского языка целый ряд причастных форм вышел из употребления, другие изменили свою функцию и стали употребляться как деепричастия (*бегаючи, бегая*) или как перфектные личные формы (*он ушедши*).

5.1. В церковнославянском языке сохраняются формы типа *могль, рекль, пекль*, в древнерусском языке происходит упрощение сочетания согласного с плавным, ставшим конечным в результате падения редуцированных в конце слова: *мог, пек, рек*.

5.2. Церковнославянским формам действит. залога наст. времени на *-ущ/-ющ, ащ/-ящ* соответствовали древнерусские формы с суффиксами *-уч/-юч, -ач/-яч*: ц.-сл. *несущи, знающи, слышащи, просящи*; др.-рус. *несучи, знаючи, слышачи, просячи*.

6. **Утрата некоторых грамматических категорий (не относящихся к системе прошедших времен).**

6.1. **Утрата дв. числа.** В древнерусском языке исчезает категория двойственного числа, что отражается в памятниках начиная с XIII в. Это относится как к формам имени и местоимениям, так и к согласуемым с ними глагольным формам. Для церковнославянского языка этого периода данный процесс не характерен.

6.2. **Утрата звательной формы.** В части древнерусских говоров утрачивается зв. форма, в церковнославянском языке она сохраняется.

7. **Система прошедших имен.** Наиболее существенное различие между церковнославянским и древнерусским языком наблюдается в системе прошедших времен. Употребление аориста, имперфекта может однозначно свидетельствовать о церковнославянском характере текста независимо от степени его русификации по другим признакам.

7.1. **Употребление аориста и имперфекта.** Вероятно, аорист и имперфект отсутствовали в древнерусском языке уже в XI–XII вв. Эти формы почти не засвидетельствованы в текстах, ориентированных на разговорную речь. Вместо аориста и имперфекта в них, как правило,

употреблялся перфект без связки или со связкой. О том, что формы аориста и имперфекта отсутствовали в живом языке восточных славян в этот период, свидетельствуют многочисленные неправильные образования этих форм. Так, в 3 л. мн. числа аориста вместо окончания **-ша** нередко появлялось окончание 3 л. ед. числа имперфекта **-ше** (*свиньи бѣжаше* вместо *свиньи бѣжаша*); смешивались формы аориста 1 л. ед. и 3 л. ед. числа (*старецъ сотвори хъ молитву* вместо *старецъ сотвори молитву*); вместо окончания аориста 1 л. ед. числа **-хъ** употреблялась форма имперфекта 3 л. мн. числа **-ху** (*се азъ стояху* вместо *се азъ стояхъ*) и др.

7.2. Перфектные формы: наличие или отсутствие связки. В церковнославянском языке перфект употреблялся со связкой, в древнерусских текстах причастная форма на **-ль** перфекта может употребляться без связки (*ты слышалъ еси* и *ты слышалъ*).

7.3. Плюсквамперфект. Церковнославянская форма плюсквамперфекта, состоящая из аориста или имперфекта вспомогательного глагола **быти** и причастия на **-ль**, противостоит древнерусской форме выражения этого времени, состоящей из перфекта вспомогательного глагола *быти* и причастия на **-ль**: *быхъ читалъ, бѣхъ читалъ, есмь былъ читал, былъ читалъ*

8. Явления словообразования. Специфическим словообразовательным средством церковнославянского языка является прежде всего словосложение, как следствие ориентации на греческие словообразовательные модели: *благодать, въсемилостивыи, благоволити*.

8.1. Именное словообразование. В именном словообразовании в церковнославянском языке использовались суффиксы **-ие, -ание, -ение, -ние, -знь, -ость/-есть, -ство, -ствие, -тель, -ыни** (*бытие, воздержание, спасение, сущность, божество, царство, учитель, милостыни* и др.), в древнерусском – суффиксы **-ье, -нье, -ька, -ыщикъ** (*житье, питье, чтение, чистька, дѣвка, доводьщикъ*).

8.2. Глагольное словообразование. Церковнославянская приставка **из-** регулярно соответствует древнерусской приставке **вы-** (*избирати – выбирать, исходити – выходить*). В древнерусском языке приставка **из-** могла употребляться, как и в современном русском языке, в значении 'полнота действия': *исходить* (весь город), *исписать* (весь лист), *изорать* (все поле). Противопоставление **церковнославянское – древнерусское** образовывали и парные соответствия приставок **воз-** и **въз-** (*возрадоватися* и *възрадоватися*), **раз-** и **роз-** (*разлити* и *розлити*), **со-** и **съ-** (*собирати* и *събирать*).

9. Синтаксические явления. Ярче всего книжный язык противопоставлялся не книжному в области синтаксиса, поскольку многие осо-

бенности церковнославянского синтаксиса появились в результате переводов текстов с греческого языка и представляют собой греческие кальки.

9.1. Причастные конструкции: дательный самостоятельный. Специфическим книжным оборотом является дательный самостоятельный, который калькирует родительный самостоятельный греческого языка: *И сице ему стеноую и плачующю и слъзами землю омочающую ... приспѣша вънезапу посыланіи отъ Святопѣлка...*

9.2. Причастные конструкции: причастия при личном глаголе. В греческом языке при глаголах речи употреблялось сочетание глагола в личной форме с глаголом в причастной форме, подобные конструкции характерны и для церковнославянского языка: «*Онъ же отвѣщавъ рече*», «*И запрети ему глаголюци*».

9.3. Причастные конструкции: субстантивированное причастие. В греческом языке нередко имеет место субстантивации причастий, эту особенность наследует и церковнославянский синтаксис; «*Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла поспѣлашааго мя*».

9.4. Причастные конструкции: причастия после глаголов восприятия. В греческом языке при глаголах восприятия то действие, которое является предметом восприятия, выражается действительным причастием в вин. падеже, а субъект этого действия – согласованным с причастием именем. Эта конструкция утверждается и в церковнославянском языке: «*Видѣ два брата... вмещающа мрѣжю въ море*».

9.5. Причастные конструкции: причастие в сочетании с глаголом состояния. В греческом языке конструкции, состоящие из глагола **быть** в сочетании с причастной формой калькируются в церковнославянском языке: «*Бѣ Иоанъ кръстя*».

9.6. Пассивные конструкции с *от*. В пассивных конструкциях субъект действия может быть обозначаться именем в род. падеже с предлогом *от*; эти обороты являются греческими кальками: «*Умоленъ бысть отъ людии тѣхъ преити къ Святославу князю*».

9.7. Прилагательные и местоимения ср. рода в обобщенно-субстантивированном значении. В греческом и церковнославянском языках имена прилагательные и местоимения обладают способностью выражать обобщенно-субстантивированное значение в форме мн. числа ср. рода: *На врѣменная възирають*.

9.8. Конструкция «да + индикатив». Церковнославянская конструкция «**да + индикатив**» в функции опатива или придаточного цели (*да идетъ*) соответствует не книжной конструкции «дат. падеж + инфинитив» (*а ему иди*), характерной для некоторых древнерусских диалек-

тов. В современном русском литературном языке конструкция «да + индикатив» (обороты типа *да здравствует*) является синтаксическим славянизмом.

9.9. **Порядок слов: место вспомогательного глагола.** В древнерусском языке вспомогательный глагол (*есмь, еси* и т. д.) ставился после первого слова фразы, имеющего автономное ударение (*а то есмь даль, яко еси родила*), в церковнославянском языке специфически книжным порядком слов было употребление вспомогательного глагола после причастия на *-ль* (*а то даль есмь, яко Спаса родила еси*).

9.10. В древнерусском языке в сложных предложениях употреблялись союзы и союзные слова *аже, оже, аче*, позже *если*, и др., в церковнославянском языке – союзные скрепы *аще, егда, вегда, дондеже, зане, дабы* и др.

9.11. **Некоторые специфические русизмы.** Специфически некнижными конструкциями, имеющими восточнославянскую диалектную основу, являются конструкции типа *косить трава (взяти гривна, взяти куна)*, повторение предлогов (*съ игуменомъ съ Игнатемъ и съ братомъ его с Мануилою*), типичным синтаксическим русизмом является употребление союза *а* и в соединительном значении, а также конструкции с повторяющимися союзами *а* и *и* в начинательном значении (цепные конструкции).

10. **Лексические явления.** В церковнославянском и древнерусском языках слова, совпадающее по форме, могли различаться в лексико-семантических вариантах или значениях: *животь* в ц.-сл. «жизнь», в др.-рус. «имущество», *гривна* в ц.-сл. «ожерелье, кольцо», в др.-рус. «вес, денежная единица», *цѣловати* в ц.-сл. «приветствовать», «целовать», в др.-рус. «целовать» и др.

Особое внимание следует обратить на изобразительные и выразительные средства текста, которые раскрывают высокую художественную ценность древнерусской (восточнославянской) книжности. Художественность древнерусских памятников связана с рано выработавшейся традицией литературного изображения, художественного языка, риторических приемов, основного запаса образов. Необходимо различать **средства изобразительности**, функционально служащие для конкретизации обобщенного понятия, способные вызвать представление о единичном предмете, и **выразительности**, связанные с особой организацией текста, привлекающей и удерживающей внимание читателя, для передачи эмоций автора и оценки изображаемых событий. Общие средства изобразительности включают в свой состав языковые единицы, взятые только в их основной функции (атрибутизации, т. е. определительно и обстоя-

тельственно характеризующей амплификации; гипонимизации, т. е. замене названия родового понятия видовым; синонимизации, т. е. замене нейтрального слова его синонимом). В специальных средствах изобразительности отобранная единица получает добавочную функциональную нагрузку, становится тропом или фигурой. Многие языковые единицы сочетают в себе изобразительность и выразительность и являются единым эстетическим комплексом (*домокъ*, уменьш.-ласк. к *домъ*, имеет значение “небольшой дом” и выражает отношение к предмету). Специальные средства изобразительности и выразительности представлены в виде фигур прибавления, убавления, перемещения, контраста, фигуры мысли (переосмысление и др.).

Среди **фигур прибавления** (амплификации) встречаются разные типы **повторов**: *фонетический повтор* (аллитерация, ассонанс); *лексический повтор*; *анафора* (повтор слова, словосочетания, реже части сложного слова, морфемы в начале каждого отрезка речи); *эпифора* (повтор одинаковых или однотипных языковых единиц в конце каждого отрезка речи); *кольцо*, или включение, рондо, охват, обрамление, комплексия (повтор одного и того же слова, словосочетания в начале и в конце какого-либо отрезка речи); *цепной повтор*, или анадиплозис, стык, возвращение, контактный повтор, палилогия, редубликация (повтор слова, которое ставится в конце какой-нибудь синтагмы, а затем в начале следующей); *удвоение* (контактный двойной повтор одних и тех же слов или словосочетаний); *геминация* (контактный повтор одних и тех же слов или словосочетаний не менее трех раз); *деривационный повтор*, или гомеоптон, (повтор приставки, корня или суффикса); *повтор флексий*, или гомеотелевт; *синтаксический повтор*, или синтаксический параллелизм (повторение в однотипных синтаксических позициях однотипных синтаксических единиц с разным лексическим наполнением); *синтаксический плеоназм*, или аккумуляция, нагромождение, синантрой (нагромождение однородных членов предложения, изображающие детали, как бы случайно объединенные между собой или беспорядочно связанные в одном предложении); *неупорядоченный повтор*, или эпимона (различные фигуры речи, состоящие в повторении одного и того же слова или словосочетания с небольшими вариациями; повтор слова в разных формах – *полиплот*); *полисиндетон* (преднамеренное многократное использование союзов, предлогов).

Фигуры убавления представлены *эллипсисом*, *умолчанием* и его разновидностями: *просиопезой* (опущение отрезка речи, текста, предшествующему данному высказыванию), *апосиопезой* (недоговоренность, пропуск последнего слова или словосочетания в связи с внезапным и не-

умышленным обрывом речи – волнение, шок, смерть); *зевгмой* и ее разновидностями: *гипозевгмой* (общий член в ряде сочиненных и параллельно соподчиненных предложений реализуется только в последнем предложении), *мезозевгмой* (общий член реализуется в среднем предложении), *протозевгмой* (общий член реализуется в последнем предложении); *асиндетоном*, или бессоюзием, брахиологией, диссолюцией (пропуск союзов при однородных членах, обычно не менее трех).

К **фигурам перемещения** относятся *анастрофа*, различные типы и виды фигур, основанные на обратной перестановке слов, звуков: *палиндром*, *инверсия*, *простой хиазм* (обратное, зеркально симметричное расположение слов в каждом из двух частей высказывания), *синтаксический хиазм*.

Среди **фигур переосмысления** слов (фигуры мысли) отмечаются фигуры и тропы, созданные на основании тождества, смежности, сходству и контраста предметов. По тождеству предметов выделяется *перифраза*, одна из четырех главных разновидностей тропов, основанная на том, что два разных сопоставляемых представления соотнесены с одним и тем же материальным предметом (референтом), и ее подвиды: *антономазия*, основанная, на замене собственного имени описательным оборотом, а также на использовании широко известного онима (лица, географического названия, места, времени и др.) вместо нарицательного, наделенного сходными чертами; в последнем случае может возникнуть гибридный троп, включающий перифразу, метафору и метонимию; *кеннинг*, состоящий в замене поэтическим оборотом собственного или нарицательного имени; *какофемизм*, основанный на замене названия какого-либо предмета более грубым; *эффемизм*, состоящий в замене резкого слова или выражения более мягким.

По **смежности предметов, явлений** выделяются *метонимия* и *синекдоха*. *Метонимия*, один из четырех главных тропов, основана на отношениях смежности между сопоставляемыми явлениями (абстрактное вместо конкретного, конкретное вместо абстрактного, произведение – автор, изделие – материал, содержимое – содержащее и др.). *Синекдоха*, разновидность метонимии, часто описывается как самостоятельный троп, который основан на сопоставлении целого и части (целое вместо части, часть вместо целого, человек – его одежда, человек – соприкасающийся с ним предмет, орудие, человек – часть его тела, внешности и др.).

На **сходстве предметов, признаков, действий** образуются тропы *метафора*, *гипербола*, *мейозис*, *градация восходящая* и *нисходящая*. Ме-

тафора, одна из главных тропов, основана на отношениях сходства между сопоставляемыми явлениями, в ней в отличие от сравнения назван только сопоставляющий компонент, она может быть представлена своими разновидностями: *метафорой генитивной, стандартной, ломаной (катахреза), функциональной, олицетворением*.

К фигуре мысли, основанной на **отношениях контраста** между сопоставляемыми явлениями, относится *антитеза* и ее разновидности: *акротеза* (схема не А, а Б: *не белый, а черный*), *амфитеза* (схема и А и Б: *и белый и черный*), *диатеза* (схема не А, но и не Б: *не белый, но и не черный*), *парадиастола*, в которой на ряду с контрастом используется синонимическое сходство (*не лобъ, а чело*).

Способствуют художественной речи такие средства, как *риторический вопрос, риторическое восклицание*, связанное с выражением сильных чувств, *риторическое обращение* и др.

Для анализа предлагаются тексты, типичные для литературного языка эпохи Киевского государства, феодальной раздробленности (периода первого южно-славянского влияния), наиболее полно отражающие жанровое и стилистическое разнообразие письменной культуры XI–XIV вв. Включение текста в состав пособия обусловлено двумя причинами: во-первых, его образовательной, художественной и этической значимостью, во-вторых, недостаточным распространением того или текста в учебной литературе. Размеры текста в упражнениях определяются целевой направленностью задания.

Выполнению упражнений должно предшествовать изучение студентами соответствующих параграфов и глав учебников по истории русского литературного языка, а также введения к данному пособию, в котором перечислены основные признаки нормы русского литературного языка XI – нач. XIV вв. и отклонения от нее под воздействием живой восточнославянской речи.

При анализе любого текста студенты должны решить следующие задачи: 1) путем сопоставительного анализа выявить фонетические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические особенности, относящиеся к церковнославянским (книжно-славянским) и восточнославянским языковым элементам; 2) сделать вывод о языковой основе текста; 3) определить его жанровую разновидность; 4) выяснить статус текста по отношению к литературному языку; 5) охарактеризовать разновидность его нормы: церковнославянской, строгой и сниженной, вариативной, или древнерусской; 6) определить изобразительные и выразительные средства.

Комплексный подход к анализу памятников поможет выявить книжную норму русского литературного языка XI–XIV вв. и глубже проникнуть в художественную систему текстов, которая сохранилась в современном русском литературном языке, и оценить высокую языковую и речевую культуру прежних писателей, оставивших своим потомкам пример бережного отношения к слову.

ТЕКСТЫ

Повесть временных лет

«Повесть временных лет» – это летопись, рассказывающая о происхождении Русской земли, о первых князьях и о событиях X – нач. XII в. Летопись была написана Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря, около 1113 г. Текст Нестора в своем первоначальном виде до нас не дошел: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром, при этом переделке подверглась, видимо, лишь заключительная часть «Повести». Летописец предпослал рассказу об истории Руси обширное историко-географическое введение, в котором изложил существовавшие тогда взгляды на происхождение славян, на место русских среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. В «Повести» включены тексты договоров русских князей с Византией, пересказы некоторых народных преданий

Текст

Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша. А отходяче послом царства нашего да допроводять къ великому князю рускому Игореву и к людемъ его; и ти, приимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ на харатью сию, па ней же суть имяна наша написана.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничтоже; а иже преступитъ се от страны нашел, ли князь, ли инъ кто, ли крещень или некрещень, да не имуть помощи от бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколень будетъ своимъ оружемъ.

А некрещении русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ боляръ и от всѣхъ людей от страны Руския въ прочая лѣта и воину.

Перевод

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, – на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой – имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, – пусть доставят их к великому князю русскому Игорю и к его лю-

дям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, па которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, в предлежании честного креста и хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны – князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, – да не получит он помощи от бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские слагают свои щиты и обнаженные мечи, оброчи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано на хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда.

Текст

В лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре. И положиша и в церкви у свягаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ: бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще рукою досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья на щадяше, ни питья, ни ѣденыя браняше. Посемъ же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣтородѣ, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоять Кыевъ. Ярославъ събра вои многы, варягы и словѣни, приде Киеву и вниде в городъ свой. И бѣ печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, и постави варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ новгородци; и сташа пред градомъ. Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣсте, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, и овин бѣгающе тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубѣ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ к нему.

Перевод

...В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне,

достать рукою. Был же Мстислав дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всей его областью Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполнил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне – киевлян, а на левом крыле – новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врозь и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегают где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу, во Пскове был тот оклеветан ему.

Текст

В лето 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскъ, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, – Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, – совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимъ суци велицъ. И придоша ко Мъньску, и мъняне затворишася в градъ. Си же братья взяша Мънескъ, и исьъкоша мужъ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизъ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизъ, месяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, и поидоша противу собъ, И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. По семь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надѣявсь цѣлованью креста, переѣха в лодьи чересь Днѣпръ. Изяславу же в шатерь предъидушю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и в порубъ съ двѣма сынома...

Наводитъ бо богъ по гнѣву своему иноплеменьники на землю, и тако, скрушенымъ имъ, въспоманутся къ богу; усобная же рать бываетъ от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хоцетъ зла челоукомъ, но блага; а дьяволъ радуется злomu убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрешивши которѣй любо,

казнить богъ смертью, ли гладомъ, ли наведенъемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусъницею, ли инъми казнми; аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны богъ велить жити, ...

Перевод

В год 6575 (1067). Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячи-слава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли па Всеслава в великий мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав вошел первым в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу и двух сыновей его...

Наводит бог, в гнѣе своем, иноплеменников на землю, и только в горе люди вспоминают о боге; междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и крови пролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо бог велит нам жить в покаянии ...

Житие Феодосия Печерского

«Житие Феодосия» написано в 80-х гг. XI в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. В «Житии Феодосия» встречаются все мотивы, традиционные для этого жанра. Но в то же время это житие привлекает обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. В описании чудес и видений Нестор проявляет удивительное писательское мастерство: некоторые детали создают иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. Если не считать традиционного для житий вступления, где автор молит бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Тео-

досия, житие лишено риторических рассуждений, оно сюжетно и динамично.

Текст

...По тръхъ убо дньхъ увѣдѣвши мати его, яко съ страньными отъиде, и абие погъна въ слѣдъ его, тькъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьний блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мьногъ, ти тако пристигъша, яста и, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши и за власы, и повръже и на земли, и своима ногама пѣхашети и, и страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свой, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана. Тольми же гнѣвъмъ одръжима, яко и въ домъ ей пришѣдъши, бити и, дондеже изнеможе. И по сихъ же, въведъши и въ храмъ и ту привяза и, и затворъши, и тако отъиде. Божьствьный же уноша вся си съ радостию приимаше, и бога моля, благодаряше о всѣчь сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дню отрѣши и и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмъ одръжима суци, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не паки отъбѣжитъ отъ нея. Тако же сътвори дни мьногы ходя. По томъ же паки умилосрѣдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати и, да не отъбѣжитъ отъ нея, любляше бо и зѣло паче инѣхъ и того ради не тѣрпяше без него. Оному же обѣщавъшюся ей не отъйти отъ нея, снѣя желѣза съ ногу его, повелѣвши же ему по воли творити, еже хочеть. Блаженный же Феодосии на пръвый подвигъ възвратися и хожаше въ църквь божию по вся дни. Ти видяше, яко многашѣды лишаемъ суци литургии, проскурънааго ради непечения, жаляшеси о томъ зѣло и умысли же самъ своимъ съмѣрениемъ отълучитися на то дѣло. Еже и сътвори: начать бо печи проскуры и продаяти, и еже аще прибудае къ цѣнѣ, то дадаше нищимъ. Цѣною же паки купяше жито и, своима рукама измѣль, паки проскуры творяше. Се же тако богу изволивъшю, да проскуры чисты приносяться въ църквь божию отъ непорочнаго и несквърнааго отрока. Сиче же пребысть двѣнадесяте лѣтъ или боле творя. Вси же съврѣстьнии отроци его ругающесе ему, укаряхути и о таковѣмъ дѣлѣ, и тоже врагу научающю я. Блаженный же вся си съ радостию приимаше, съ мълчаниемъ и съ съмѣрениемъ.

Перевод

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в во-

лосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, большее всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому, Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Поучение Владимира Мономаха

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) – один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Владимир, стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств, придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли. «Поучение» – образец проповеднической литературы XII в. Это обращение Владимира к своим детям с рассказом о собственной жизни, прошедшей в походах и полной опасностей.

Текст

Научися, вѣрнѣй челоуѣче, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработанье, гнѣву погубленье, помысль чисть имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемь – не мсти, ненави-

димъ – люби, гонимъ – терпи, хулимъ – моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу. Придѣте, да сождемъся, глаголетъ господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я», и прочее. «Восияетъ весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякоя крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: Слава тобѣ, человекѣлюбче!».

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣлюбецъ богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашъ, владея и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и паки привлечь е к собѣ, тако же и господь нашъ показал ны есть на врагы победу, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаянемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися.

Перевод

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как обагренные, – как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Текст

А се в Черниговѣ дѣяль есмь: конь диких своима руками связаль есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по ровни ѣздя ималь есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечь оттяль, медвѣдь ми у колѣна подьклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже. И богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам твориль, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я твориль есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Перевод

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пушах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютей зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился

Хождение игумена Даниила

«Хождение» – древнейшее из русских описаний паломничества в Святую землю. Даниил стремится быть как можно более точным и ясным в своих описаниях; никаких литературных задач автор не ставит. Путешествие начинается и заканчивается в Константинополе. Длилось

оно, очевидно, около трех лет. «Хождение» Даниила отличается от других описаний Святой земли точностью и обстоятельностью наблюдений. Произведение было очень популярно в Древней Руси. Оно сохранилось в ряде редакций и во множестве (около 150) списков.

Текст

И яко бысть 8 час дне и Пачаша вечернюю пѣти на гробѣ горѣ попове правовѣрнии; и черноризци, и вси духовнии мужи, и пустынници мнози ту бяху; латина же в велицѣм олтари начата верещати свойскы. И тако поющим имъ всѣм, аз ту стоях, прилѣжно зрях ко дверем гробным. И яко начаша чести паремии тоя субботы великия, на первых паремии Изиде епископъ с дьяконом из великого олтаря, и приде къ дверем гробным, и позрѣ въ Гробъ сквозѣ крестецъ дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта в Гробѣ, и възвратися опять. И яко начаша чести 6-ю паремию, тот же епископъ прииде къ дверем гробным и не видѣ ничто же. И тогда вси людие възпиша съ слезами «Кирие, елеисонъ», еже есть «Господи, помилуй!». И яко бысть 9-му часу минувшую и начаша пѣти пѣснь проходную «Господеви поим», тогда внезапно прииде туча мала от востока лицъ и ста над верхом непокрытым тоа церкви, и дождь малъ над Гробом святымъ, и смочи ны добрѣ стоящих на Гробѣ. И тогда внезапно восиа свѣт святыи во Гробѣ святѣмъ: изиде блистание страшно и светло из Гроба Господня святаго. И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери гробныя, и взяша свѣщу у князя того у Балдвина, и тако вниде въ Гробъ, и вожже свѣщу княжю первѣе от свита того святаго; изнесше же из Гроба свѣщу ту и даша самому князю тому в руцѣ его. И ста князет на мѣстѣ своемъ, свѣщю держа с радостию великою. И от того вси свои свѣщи възгохомъ, а от наших свѣщъ вси людие вожгоша свои свѣщи, по всей церкви друг отъ друга вожгоша свѣщи. Свѣт же святы не тако, яко огнь землений, но чюдно инако свѣтится изрядно, и пламянь его червлено есть, яко киноварь, и отнудь несказанно свѣтиться.

Перевод

И когда наступил восьмой час дня, начали вечернюю петь на гробе вверху попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи; и пустынники многие тут были; латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему. И так пели они все, а я тут стоял, прилежно глядя на двери гроба. И когда начали читать паремии той Великой субботы, во время первой паремии вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошел к дверям гроба, и заглянул в гроб сквозь крестец дверей тех, и не увидел света в гробе, и возвратился на место. И когда начали читать

шестую паремию, тот же епископ подошел к дверям гроба и опять ничего не увидел. И тогда все люди возопили со слезами: «Кирие, елейсон!», что значит «Господи, помилуй!» И когда минул девятый час и начали петь проходную песнь «Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом той церкви, и пошел дождь небольшой, над гробом святым, и смочил нас хорошо, стоящих на гробе. И тогда внезапно воссиял свет святой в гробе святом, вышло блистание страшное и светлое из гроба господня святого. И подойдя, епископ с четырьмя дьяконами открыл двери гроба, и взял свечу у князя того, у Балдвина, и с нею вошел в гроб, и первым делом зажег свечу князя от того святого света. Вынеся же из гроба ту свечу, дал самому князю тому в его руки. И стал князь на месте своем, держа свечу с великой радостью. И от него мы все зажгли свои свечи. И от наших свечей все люди зажгли свои свечи по всей церкви, друг от друга зажигая свечи.

Свет же святой не так, как огонь земной, но чудесно, иначе светится, необычно; и пламя его красно, как киноварь; и совершенно несказанно светится.

Из Синайского патерика

В древней литературе патериками назывались сборники нравоучительных анекдотов, изречений и новелл из жизни монахов-пустынников, очень популярные и среди светских читателей благодаря их занимательности, разработке ряда вечных и бродячих сюжетов восточной и европейской литературы. «Синайский» патерик был переведен на славянский язык в X в. Составлен он палестинским монахом, который много путешествовал. Воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми в годы долгих странствий послужили материалом для сборника. В славянском переводе содержится 335 главок (слов), которые тематически распадаются на несколько групп: чудесные явления, бытовые повести, рассказы о животных и т. д.

Текст

Слово 134. Яко отъ единого попьрища святого Иердана рѣкы лавра есть, авва Герасима нарицаема. Въ ту лаврго прѣходящемъ намъ повѣдаша сѣдящии ту старьци о аввѣ Герасимѣ, яко ходя единою по благу святого Иердана, усърѣте и львъ, зѣло рыдая отъ ноги своея; имяше бо трѣстяну трѣску, унъзьшо.ему. Яко отъ сего отещи ему нозѣ и плънѣ гноя быти. Яко же узърѣ львъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвъна отъ унъзшая поръзи, плача ся яко и нѣчьсо и моля ся ему, исцѣленъ отъ

него быти. Яко же видѣ и старьць въ такой бѣдѣ, сѣдѣ и имѣ и за ногу и роздвигѣ мѣсто, изъя трѣсть съ мнѣгомъ гноимъ. И, добръ очистивъ струпъ и обвязавъ платомъ, пусти и. Львъ же ищѣленъ по семь не оста старьца, нѣ яко свой ученикъ, ямо же идяше ему, яко чюдити ся старьцю, толику разуму звѣри, и прочее. Оттолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбъ и мочена сочива. Имяше же та лавра одинъ осьль, на немъ же приношааше воду въ потрѣбу отъцемъ святого Иердана, отнюду же пьютъ воду; отстоитъ же от лавры рѣка попрыще одно. Обычай же имяху старьци даяти льву, да ходитъ и пасеть и по краю святого Иердана. Одиною же пасомъ осьль отъ льва, отиде отъ него не маломъ отшѣствиемъ. И се мужъ съ вельблуды отъ Аравия иды и обрѣтъ и поятъ и въ своя си. Львъ же, погубивъ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхль къ авва Герасиму. Мнѣяше же авва Герасимъ, яко изѣлъ есть осьла львъ, глагола ему: «Кѣде есть осьль?» Съ же, яко чловѣкъ, стояше мльчя и долу зря. Глагола ему старьць: «Изѣлъ ли и еси? Благословенъ господь, еже творяше осьль, отселѣ тебѣ есть творити». Отътолѣ же мльвльшю старьцю ношааше канпилий комърогы имущъ четыри и приношааше воды.

Перевод

Слово 134. В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана, и встретил его лев, громко ревавший из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел лев старца, показал ему лапу, пораненную вонзившейся занозой, плача и как бы умоляя его исцелить. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу

Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его ты? Благословен господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду.

Апокрифы

«Апокриф» по-гречески означает «тайный, сокровенный», и на начальном этапе своего развития апокрифические тексты, содержащие конкретные подробности о жизни библейских и евангельских персонажей, предназначались только посвященным. В апокрифических произведениях затрагивались вопросы мироустройства, сотворения первых людей, бессмертия, греха и наказания, нравственные проблемы. Они ставились и разрешались часто в занимательной форме, с привлечением бытовых деталей. Часто использовались фольклорные мотивы и символика. Занимательность, некоторая сказочность, сюжетность многих апокрифов обусловили их долгую жизнь в древнерусской письменности, где они выполняли роль своеобразной народной Библии.

Текст

И увидѣ святая богородица древо желѣзно, имѣюще отрасли и витвии желѣзныи, и вершии вѣтвѣиа того имѣяше уды желѣзныа, и бяше множество висящии, мужь и жень, за языки. И видѣвши святая, прослезися и воспроси Михаила: «Кто си суть, что ли согрѣшении ихъ?» И рече архистратигь: «И се суть клеветницы и свадницы, иже разлучиша брата отъ брата и мужь отъ жень своихъ». И рече Михаилъ: «Послушаи, пресвятая, да ти азъ скажу и о сихъ: аще кто хотяше креститися и покаятися грѣховъ своихъ, то ти разглаголаху и не поучаху спасению, да того ради тако мучатся па вѣкъ».

И виде святая на друзѣмъ мѣстѣ висяща мужа за четверо, за вся края ноготь его, исхожаше кровь велми зѣло, и языкъ его вязашеся отъ пламени огненаго, не можаше воздохнути, ни рещи: «Господи, помилуй мя». И видѣвши его пресвятая богородица, и рече: «Господи, помилуй», 3-ю и сотвори молитву. И приде къ ней ангель, иже обладаше муками, отрѣштити языкъ мужевѣи тому. И воспроси святая: «Кто се есть бѣднѣи человекъ, приемля сию муку?» И рече ангель: «Се есть икономъ и церкви служителъ, и не творя воля божия, но да продаяше сосуды, имѣние церковное, и глаголаша: иже церкви работаетъ, то отъ церкви пиатеться, и того ради мучится здѣ». И рече святая: «Якоже есть сотвориль, тако приемлетъ». И паки ему ангель связа языкъ.

Перевод

И увидела святая богородица железное дерево, с железными ветвями и сучьями, а на вершине его были железные крюки, а на них множество мужей и жен, подвешенных за языки. Увидев это, святая заплакала и спросила Михаила: «Кто это, в чем их грехи?» И сказал архистратиг: «Это клеветники и сводники, разлучившие брата с братом и мужа с женой». И сказал Михаил: «Послушай, пресвятая, что я тебе скажу о них. Если кто-то хотел креститься и покаяться в своих грехах, то эти клеветники отговаривали их и не наставляли их к спасению. За это они навек мучаются».

А в другом месте святая увидела мужа, подвешенного за ноги и за руки с четырех сторон, за края ногтей его. Он сильно исходил кровью, а язык его от огненного пламени скрутился, и не мог он ни вздохнуть, ни сказать: «Господи, помилуй меня». Глядя на него, пресвятая богородица сказала: «Господи, помилуй» – трижды – и сотворила молитву. К ней подошел ангел, владеющий муками, чтобы освободить этому человеку язык. И спросила его святая: «Кто этот бедный человек, который так мучается?» И сказал ангел: «Это эконо́м и служитель церкви, он не волю божию творил, но продавал сосуды и церковную утварь и говорил: «Кто работает в церкви, тот от церкви и питается», поэтому он и мучается здесь». И сказала святая: «Что заслужил, то и получает». И ангел снова связал ему язык.

Из «Шестоднева» Экзарха Болгарского

Иоанн Экзарх Болгарский – болгарский писатель и переводчик кон. IX – нач. X в., поколения, следующего за поколением первых переводчиков с греческого на славянский, Константина-Кирилла и Мефодия. «Шестоднев» представляет собой перевод-компиляцию «Шестоднево́в» Василия Великого и произведений Иоанна Златоуста, Аристотеля и др., дополненный сами переводчиком-компилятором. «Шестоднев» – рассказ о мире, природе, растениях, животных и человеке, построенный как комментарий к библейскому рассказу о сотворении мира. Шесть частей соответствуют шести актам творения. «Шестоднев» – это богатое собрание античных и средневековых естественнонаучных сведений и представлений. Этим сведениям и представлениям всегда свойственно со временем изменяться. Неизменным остается лишь основной пафос всего произведения Иоанна-экзарха – интерес к природе и человеку.

Текст

Море бо, бурями мутимо и надымаюущися на сусѣду землю и проливаемо, пѣска ся стыдитъ и нарочитых предѣлъ не рачить преступати, по яко конь текий и воздержается уздою, сице ти море, написанный законъ видя, песком написанъ, и възвращается. Сице ти и рѣки текутъ, яко же суть учинены исперва; и студенцы истичють, и кладязи даютъ челоуѣкомъ иже на потребу; и лѣта вся часы другъ друга по чину преминуютъ; по сему закону и дние, и нощи хранятъ чинъ той, и продолжаеми не хвалятся, ни укращаеми не тужать, но, другъ от друга годъ приемлюще, паки бес прѣя долгъ отдающе приемлютъ. Се же такожде творчюю премудрость кажет и силу. Ни земля бо, в тысущих лѣт орема, и сѣема, и садима, и кормяще плоды, перома и копаема, и дождемъ мочима и снѣгомъ, и жьгома, оскудѣния никако же не приа, но плод земным дѣлателемъ неударжанъ приносить. Ни море, оттуду облакомъ вземлющемъ водное естество и дождя ражающе и земли даемы, не охудѣ, ни пресхну николи же, ни паки возрасте, приемля бещисмени рѣки, втичающя в то. И се глаголю: откуда убо истоки рѣчныя истичють? Недовѣдомо бо ми и се помышление: како солнце мокротное суще не может иссучити удобъ зѣло? Иже хоцетъ разумѣти; не бо оно сушить тины, и водныя соборы пресушаетъ, и наша телеса минуетъ. Видѣти же рѣки худѣюща, егда же, оставивъ южныя страны, и на сѣверныя преходить, и жатву творить.

Перевод

Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздою, так и море, видя написанный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное мужам и женам. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров отдают должное и приемлют. И вот что показывает премудрость и силу творца: ведь ни земля, тысячи лет возделываемая, и засеваемая, и засаживаемая, и кормящая плоды, и толкаемая, и копаемая, и дождем мочимая и снегом, и опаляемая, нисколько не оскудела, но приносит земледельцам изобильные плоды; ни море, откуда облака берут водную стихию, и дожди рождают, и земле дают, не уменьшилось, не

высохло нисколько, и так же не выросло, принимая бесчисленные реки, втекающие в него. И вот что скажу: а откуда истоки рек истекают? Непонятно мне и такое явление: почему солнце не может с великой легкостью высушить все то, что мокро? Ведь не сушит оно ни тины, ни водоемы, минует и наши тела. Реки кажутся меньше, когда оно, оставив южные страны, переходит в северные и производит лето.

Повесть об Акире Премудром

Прототип этой славянской повести возник, как полагают, в VII в. до н. э., в Ассирии. Сюжет повести был широко распространен на Востоке, сохранились сирийский, арабский и армянский ее варианты. На славянскую почву повесть попала еще в Киевской Руси, при этом оригиналом послужил текст армянской версии.

Текст

Сыну, аще на путь идеши, не надѣйся о чюжемь брашнѣ, но свое да имѣеши, аще ли и не имѣеши своего и ходити начнеши и въ укоризнѣ будеши. Сыну, друг твой, иже ненавидитъ тебѣ, аще умереть, и то не порадуйся, но дабы живѣ былъ, и обнизилъ и богъ, дабы от тебе прощение принимал, и подай же ему: и того ради приимеши от бога благодать. Сыну, стара узрѣвъ, встани ему, аще ти противу тому не отдасть, да от бога благословение приимеши. Сыну, друга на обѣдъ звавъ, к иному дѣлу не прѣставляй его, то аки ложь наречешися. Сыну, егда вода воспятъ потечеть или птиця опять полетит, или синечь или срачининѣ побѣлѣть, ли желць, аки прѣсный мед, усладѣть, тогда безумный уму научится. Сыну, аще к сусѣду званъ будеши и, влѣзь въ храмину, не глядай по угломъ: беществено бо ти есть. Сыну, его же богъ обогатить, то не завиди ему, но боле, елико мога, почѣсти и. Сыну, егда внидеши в печалень домъ, то о питии и о яденьи не молви; егда сядеши на радостнѣ обѣдѣ, тогда бѣды не поминай. Сыну, чловѣчи ти очи яко источники кыпя, и скота не насытитася, но когда умереть, и перьсти насытится. Сыну, имѣние имѣя, не умаряй ... себя гладомъ и жежею: умершу бо тобѣ, инъ примет и начнет веселитися всемъ, а ты всеу тружалъся будеши. Сыну, аще чловѣкъ въ убожествѣ украдетъ, то прочее помилуй его, зане не онъ то створилъ: убожество принудило и будетъ. Сыну, на брак шед долго не сѣди, егда преже похода твоего именуть тя. Сыну, къ другу своему не часто ходи, егда бе-щѣсти внидеши.

Перевод

Сын мой, когда отправляешься в путь, не рассчитывай на чужую еду, а свое имей, а если пойдешь, своего не имея, все тебя укорят. Сын мой, если умрет друг твой, который тебя невзлюбил, не радуйся: лучше, если бы он остался жив и кару принял от бога, а ты бы простил его и помог бы ему; и за это получил бы ты благодать от бога. Сын мой, увидев старца, встань перед ним, а если он и не поблагодарит тебя, то бог тебя благословит. Сын мой, если зовешь друга па пир, с другим делом не подступай к нему, а не то обманщиком тебя посчитают. Сын мой, когда вода вверх потечет или птица хвостом вперед полетит, эфиоп или сарацин посветлеют, и желчь станет сладкой, как разбавленный мед, – тогда глупец поумнеет. Сын мой, если к соседу позовут тебя, то, войдя в дом его, не зевай по углам: это не делает тебе чести. Сын мой, если бог пошлет кому богатство, не завидуй ему, но еще больше, насколько можешь, почитай его. Сын мой, когдаходишь в дом, где случилось горе, то не говори о еде и питье, а если сидишь на веселом пиру, то не вспоминай о печальном. Сын мой, глаза человеческие словно озера: сколько ни бросай в них злата – не насытятся, а умрет человек, и пылью сыт будет. Сын мой, если ты богат, не мори себя голодом и жаждой: умрешь ты, все иному достанется, и начнет он жить припеваючи, а ты – окажется – всеу трудился. Сын мой, если человек от бедности украдет, то прости его, ибо не он это сделал, а бедность его к тому принудила. Сын мой, придя на пир, долго не засиживайся, не то, не дождавшись, когда ты сам соберешься уйти, прогонят тебя. Сын мой, к другу своему не ходи слишком часто, не то перестанут тебя уважать.

Из «Притч» и «Слов» Кирилла Туровского

Изложение ведется сразу в нескольких планах: конкретно-реалистическом, нравоучительном или полемическом – и в символическом, отражающем общечеловеческие ценности мира и человеческой жизни. Тема непрестанно словесно варьируется, распространяется включением все новых персонажей и цитат, привлекаются все новые обоснования темы. Многие сюжеты Кирилл по традиции заимствовал из известных источников, обработка их является оригинальной.

Текст

Кую похвалу створим достойну твоего блаженства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложю? Небомь ли ты прозову? Нь того свѣтъльѣй бысть благочъстьемь, ибо въ врѣмя страсти Христовы небо помрачися и свой свѣтъ скры, ты же тогда радуяся на

своею руку бога носяше. Землю ли ты благоцвѣтушую нареку? Нѣ тоя честнѣй ся показа; тѣгда бо и та страхомъ трясашеся, ты же с веселиемъ божие тѣло съ Никодимомъ въ плащаницю съ вонями обив положил еси. Апостоломъ ли ты именую? Нѣ и тѣх вѣрнѣе и крѣпчею обрѣтесе; егда бо они страха ради жидовска разбѣгошася, тѣгда ты без боязни и бесумнѣния послужил еси Христови. Святителя ли ты и старѣйшину прозову? Тѣмъ бо образ своя служба предал еси, обиходя и кадя и кланяяся съ молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: «Въскресни, господи, помози нам, избави нас имени твоего ради!» Священномученикомъ ли ты нареку, яко толику показал еси любовь къ Христови? Аще бо и не въгрузися в твоя пѣрси оружие, ни проляся твоя от меча кровь, нѣ изволением и вѣрою по Христу положил еси душу. Поразили бо ты быша и на удеса расѣкли, нѣ съхрани ты от тѣхъ Исус, его же ты храняше тѣло, не убоявъся гнѣва жидовска, ни прещения жрецьска, ни напрасно убивающихъ войн не устрашился, не пожали си по мнозѣмъ богатствѣ, не родив ни о своемъ животѣ, чая тридневнаго въскресения. Нѣ паче всѣхъ святыхъ подвизался еси, богоблаженный Иосифе, и паче всѣхъ имаши дерзновение къ Христу, къ нему же молися и о нас, хвалящихъ ты, и чтущихъ твою с мюроносицами память, и твой украшающихъ праздникъ.

Перевод

Какую похвалу воздадим, достойную твоего блаженства, и с кем сравним праведника? Как начну и как я продолжу? Небом ли тебя назову? Но неба светлее ты благочестьем, ибо во время страданий Христа небо померкло и свет свой закрыло, ты же тогда торжественно на своих руках бога носил. Землею ли благоцветущею тебя назову? Но и той ты честнее себя показал, ибо тогда и она от страха тряслась, ты же торжественно божие тело, с Никодимом пеленами благовонными обвив, положил. Апостолом ли тебя наизмену? Но и тех ты вернее и тверже оказался; когда те, страшась иудеев, разбежались, тогда ты без боязни и без сомнений послужил Христу. Святителем ли тебя и старейшиной назову? Ты ведь пример своей службы передал им, обходя и кадя, и с молитвами кланяясь пречистому телу Христа со словами: «Воскресни, господи, помоги нам, избавь нас именем твоим!» Священномучеником ли тебя назову, такую показал ты любовь к Христу? Хотя и не пронзена оружием грудь твоя, не пролилась от меча твоя кровь, но предпочтением и верою за Христа положил ты душу. И тебя поразили бы и на части рассекли, но сохранил тебя от этого Исус, ибо, погребая тело его, не побоялся ты ни гнева иудейского, ни угроз жрецов, ни жестоко убивающихъ воинов не устрашился, не сожалел о большом богатстве своем, не берег своей жиз-

ни, веря в трехдневное воскресенье. Но более всех святых трудился ты, богоблаженный Иосиф, и более всех имеешь ты веры в Христа, ему же молишь ты и за нас, славящих тебя, и чтущих твою с мироносицами память, и твой празднующих праздник!

Повесть об убиении Андрея Боголюбского

Повествование о гибели великого князя владимирского и суздальского (в результате дворцового переворота) содержит множество конкретных подробностей, которые выдают в авторе очевидца событий. Возможным автором называют одного из действующих лиц повести, изображенного сторонником князя – игумена Феодула. В «Повести...» умело и тонко сплетены две линии: мирская, поданная в действии, и церковная, поданная в размышлениях князя и комментариях автора. Психологические детали повествования и образная народная речь реалистически видоизменяют идеализированный образ князя, навеянный традицией житий.

Текст

И то ему глаголавшю и моливъшюся о грѣсѣхъ своихъ к богу и сѣдящю ему за столпомъ вѣсходнымъ, и на долзѣ ищющимъ его, и узрѣша и сѣдяща, яко агня непорочно. И ту оканьни прискочиша и прикончаше его, Петръ же оття ему руку десную. Князь же възрѣвъ на небо и рече: «Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ духъ мои» – и тако успе. Убьень же бысть в субботу на ночь, и о свѣте завтра в недѣлю, на память 12 апостола.

Перевод

И пока он так говорил и молился о грехах своих богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его – и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе предаю душу мою» – и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья – день памяти двенадцати апостолов.

Текст

И тече на мѣсто Кузмище киянинь: «Оли нѣтуть князя, убиень!» И почаша прошати Кузмище: «Кдѣ есть убить господинь?» – и рекоша: «Лежить ти выволочень в огородь, но не мози имати его! Тако ти мол-

вять, вси хочемы и выверечи псомъ! Оже ся кто приметъ по нь, тотъ нашъ есть ворожьбитъ и того убьемъ!» И нача плакати надъ нимъ Кузмище: «Господине мои! Како еси не очютилъ сквѣрныхъ и нечестивыхъ, пагубоубииственныхъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ к тобѣ? Или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ болгаръ?» – и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, ясинъ родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа и надо всими волю ему даль бяшеть. И рече, възрѣвъ на нь, Кузмище: «Амбале, вороже! Сверзи коверъ ли, что ли, что постылати или чимъ прекрыти господина нашего». И рече Амбалъ: «Иди прочь! Мы хотимъ выверечи псомъ», И рече Кузмище: «О, еретиче! уже псомъ выверечи! Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порѣтѣхъ пришелъ бяшеть? Ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить, но молю ти ся: свѣрзи ми что любо!» – и сверже коверъ, и корзно. И, обѣртѣвъ и, и несе и в церковь, и рече: «Отмѣкнете ми церковь!» – и рекоша: «Порини и ту въ притворѣ, печаль ти имъ» – уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «Уже тебе, господине, поробѣци твои тебе не знаютъ.

Перевод

Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: «Уже нету князя: убит!» И стал спрашивать Кузьма: «Где убит господин?» – и ответили ему: «Вон лежит, выволочен в сад! Но не смей его брать, все решили бросить его собакам... Если же кто приступит к нему – тот враг нам, убьем и его!» И начал оплакивать князя Кузьма: «Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?» – и так оплакивал он князя. И подошел ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома, надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма; «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего». И ответил Анбал: «Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам». И сказал Кузьма: «Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!» И сбросил тот ковер и плащ. И, обернув ими тело, понес Кузьма в церковь и сказал: «Отоприте мне церковь!» – и ответили: «Брось его тут, в притворе, что тебе за печаль!» – ибо все уже были пьяны. И подумал Кузьма: «Уже, господин, и холопы твои знают тебя не хотят.

Моление Даниила Заточника

Вопрос об адресате произведения остается открытым. Неясна и личность Даниила: реальный ли это человек или литературный герой? Основная часть состоит из своеобразных, ритмически организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением вначале. Строфы распадаются на афористические выражения, пословицы и краткие рассуждения. В образной системе опирается на явления русского быта. Юмор Даниила – это скоморошье балагурство. Книжные элементы занимают солидное место.

Текст

Видѣх жену злообразну, причинюще к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣх ей: не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

Или ми речеши: женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми волю бурѣ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: волю бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бѣема бѣсѣться, а кроти-ма выситя, въ богатествѣ гордость приемлетъ, а в убожествѣ иных осужаетъ.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослѣпление уму, начальница всякой злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасения.

Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаетъ, то дай богъ ему трясею болѣти, да будетъ проклят.

Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мой и свѣте очию моею! Азь на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своеи. Жены же у церкви стоите молящися богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена вѣнецъ мужу своему и безначалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древо глеть, а зла жена домъ мужа своего терять. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати; утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа сво-

его погубить. Лѣпше есть камень долоти, нижели зла жена учити; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учения слушаетъ, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаетъ.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женской злобы. Женою сперва прадѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящей с чемеремъ!

Перевод

Видел жену безобразную, прикинувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей; «Не смотришь в зеркало – увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней – заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братия, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест – глава церкви, а муж – жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену. Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа

своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

Поучения к простой чади

Среди древнерусских поучений, адресованных простому люду, не искушенному в книжной премудрости, особое место занимают краткие увещательные «Слова», направленные против языческих пороков в среде ранних славянских христиан. Их особенность – в полном отсутствии цитат из священного писания и в той системе эмоциональных доказательств, которые диктуются простой и понятной житейской мудростью. Произнесенные на понятном разговорном языке своего времени, русскими по рождению людьми, в своеобразной поэтической форме, лаконично и в народном ритме, они затрагивают проблемы общего значения и до сих пор сохраняют свою художественную ценность

Текст

И то мните празникъ великъ, егда вси лежать, яко мертви от пьянства, яко идоли уста имуще и языкъ не глаголющъ, очи имуще и не видяще, нозе имуще и не ходяще. Кто достойно васъ оплачетъ, тако умильно от пьянства гибнущимъ? Нѣсть человека оканнее пьяницѣ: пьяница живота своего лишается, и тамъ суцаго здѣ живота паче умерль есть, и тамо живота не сподобится! А васъ мню услышати господу глаголющю, яко «не пребудеть духъ мой въ челоуѣцѣхъ сихъ», зане плоть суть, гдѣ бо суть духъ во пьяницахъ: дымъ прогонитъ пчелы, а пьянство святого духа прогонитъ, пьяница всь плоть есть и всь страстехъ исполненъ; пьяница ничто же блага не помышляете. Устрашаюся, вѣру имѣте ми, како святое крещение стужаетъ си пиянствомъ вашимъ, крещение бо на святыни почиваетъ, а во пьяницѣ святыни отинудъ несть. Стужаю си, како паче Христа изволисте дьявола, празники бо его творите дьяволя. Егда бо упиваетеся, тогда блудите, и играете, плищете, поете, пляшете, в сопѣли сопете, завидите, рано пьете, объѣдаетеся, упиваетеся, блюете,

льстите, злопоминаете, гнѣваетея, лаетея, хулите, осержаетея, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете, сваритея, море вамъ до колѣна, смѣетея, крадете, бьетея, деретея, празднословите, смерти не поминаете, спите много, осужаете, вадите, божитея, укаряете, клеплете, – не по истиннѣ ли святое крещение стужить си пьянствомъ вашимъ? А и плясавица есть сатанина невѣста, супружница диавола, всѣмъ мужемъ тѣмъ зрящимъ ее, жена скверно же и скаречно и своему мужу; образъ божий нося, съ женою своею совокупитися во плясании, – аще и въ церковь входите! Повѣдите ми, како убо вы бога прославите? Повѣдите ми, яко пьяного смрадомъ отрыгаюша, богъ толма непавидить, яко же мы пса мертва смердяща гнушаемъ! Увы мнѣ! увы мнѣ!

Перевод

И тот лишь считаете праздник славным, если лежат все, будто мертвые спяну, как идолы, – с разверстыми ртами, но языками безгласными, с очами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить! Кто по достоинству вас оплачет, столь горестно от пьянства гибнущих? Нет человека несчастнее пьяницы: пьяница жизни своей лишается – для загробной жизни он больше чем умер, но жизни и там не сподобится! О вас хотел бы услышать, как бог говорит, что «не пребудет дух мой в людях таких», – так как плоть лишь у пьяниц там, где должен быть дух; дым отгоняет пчел, а пьянство духа святого прогонит; пьяница – весь из плоти, весь пороков исполнен и нечистот, пьяница ни о каком благе не помышляет. Боюсь я, верьте мне, что крещенье угнетается вашим пьянством, ибо крещенье святое на святыне основано, в пьянице же святыни нет никакой. Я рыдаю и плачу оттого, что больше Христа вам угоден дьявол, ибо ему вы творите радость. Когда вы упьетесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поете и пляшете, и в дудки дудите, завидуете, пьете чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюёте и льстите, злопаятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете, возноситесь, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колению, смеетесь, крадете, бьете, деретесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, доносите, – ну как же святому крещенью не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья жена – сатанина невеста, супруга дьяволу: когда каждый мужчина глядит на такую жену, для мужа ее непристойно то и бесстыдно; образ божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! – и вы еще входите в церковь! Так скажите же мне, как вы бога восславите?

Ведь ясно, что пьяного, смрадом рыгающего, бог так же не любит, как сами гнушаемся мертвого пса мы смердящего. Горе мне! горе мне!

Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году

Древнерусская повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. написана русским очевидцем событий. Повесть входит в состав других летописей – хронологического свода, содержащего изложение всемирной истории. Живой, изобилующий подробностями рассказ русского автора интересен и ценен тем, так как он в чем-то дополняет подробное изложение этих событий у византийского историка Никиты Хониата.

Текст

Заутра же, солнчю въсходящую, внидоша въ святую Софию, и одьраша двѣри и расѣкоша, а онболь окованъ бяше весь серебромъ, и столпы серебряныя 12, а 4 кивотныя, и тябло исѣкоша, и 12 креста, иже надъ олтаремъ бяху, межи ими шишки, яко дрѣва, вышьша муж, и преграды олтарныя межи стѣлпы, и то все серебряно. И трапезу чюдную одьраша, драгый камень и велий жъньчюг, а саму неведомо камо ю дѣша. И 40 кубьковъ великихъ, иже бяху прѣдъ олтарем, и понекадѣла и свѣтилна серебряная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздническими съсуды бесцѣнными поимаша. Служебное Еуангелие и кресты честныя, иконы бесцѣныя – все одраша. И подъ тряпезою кровь наидоша – 40 кадие чистаго злата, а на полатхъ и въ сгѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде колико злата и серебра, яко нету числа, и бесцѣнныхъ съсудъ. То же всѣ в единой Софии сказахъ, а святую Богородицю, иже на Влахѣрнѣ, идеже снятый духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одраша. Инѣхъ же церквий не можетъ чловѣкъ сказати, яко бе-щисла. Дигитрию же чюдную, иже по граду хожаше, святую богородицю, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на ню же надѣмься. Иные церкви въ градѣ и вѣнѣ града, и монастыри въ градѣ и вѣнѣ града пограбиша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черныче же и чернице и попы облупиша и нѣколико ихъ избиша, грѣкы же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остави.

Перевод

А наутро, с восходом солнца, ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре кивотных; и тябло разрубили, и

двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатях, и в стенах, и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни перечислить их, ни рассказать о красоте их. Монахов, и монахинь, и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города.

Повесть о разорении Рязани Батыем

«Повесть» входит в рязанский цикл. Сохранилась в списках не ранее начала XVI в. На разных этапах своего существования повесть отразилась в различных памятниках древнерусской литературы. Она очень кратка и наполнена конкретными фактами.

Текст

И нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем, и услыша приход зловѣрнаго царя Батыа, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустившую, грады разорены, церкви пожены, люди побьены. И пригна во град Резань и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своя и распалаяся въ сердца своем. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человекъ, которых богъ соблюде быша внѣ града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша сѣчи без милости, и сметоша яко всѣ полкы татарскыа. Татарове же сташа, яко

пияны, или неистовы. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и съчаша их. Татарове мняша, яко мертви востаха. Еупатий силныя полкы татарскыя проеждя, бьяше их нещадно. И ездя, по полком татарским храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.

Перевод

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа polegшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распалялся в сердце своем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и с ними. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь утрашился.

«Слова» Серапиона Владимирского

Серапион – монах Киево-Печерского монастыря. Достоверно ему принадлежат пять «Слов». Серапион с горечью всматривается в нравственное оскудение оставшихся в живых после татаро-монгольского нашествия. Своими выступлениями он способствовал возрождению и укреплению русского патриотизма в самое тяжелое для Руси время, особенно твердо выступая против распрей удельных князей. Автор опирается не только на клерикально-книжную мудрость, но и на народную литературу (сказания, апокрифы). Поскольку «слова» не читались, а произносились, они столь динамичны, красочны, ритмичны.

Текст

Не бысть казни, кая бы преминула нас, и нынѣ беспрестани казними есмы, не обратихомся к господу, не покаяхомся о безаконии наших, не отступихомъ злыхъ обычай наших, не оцѣстихомся калу грѣховнаго, за-

быхомъ казни страшныя на всю землю нашу; али оставит, велицѣ творимся. Тѣм же не престають злая мучаще ны: завѣсть оумножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе оумъ нашъ, ненависть на другы вселися въ сердца наша, несытовѣство имѣния поработи ны, не дасть миловати ны сиротѣ, не дасть знати чловѣчьскаго ествѣства – но, акы звѣрьѣ жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всѣхъ погубити, а горкое то имѣнье и кровавое к собѣ пограбити; звѣрьѣ ѣдше насыщаются, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго желаемъ! За праведное богатство богъ не гнѣвается на насъ, но еже рече пророкомъ: «С небеси призри господь видѣти, аще есть кто разумѣвая или взискаая бога, вси уклонишася вкупѣ», и прочее: «Ни ли разумѣвают все творящи безаконье снѣдающе люди моя въ хлѣба мѣсто?» Апостол же Павелъ беспрестани въпиеть, глаголя: «Братѣе, не прикасайтесь делѣхъ злыхъ и темныхъ ибо лихоимци грабители со идолослужители осудятся». Моисѣеви что рече богъ: «Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, вопьют ко мнѣ, слухом услышу вопль их, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечемъ». И ныне збысться о нас реченое: не от меча ли падохомъ? не единою ли, ни двожды? Что же подобаетъ намъ творити, да злая престануть, яже томятъ ны? Помяните честно написано въ божественыхъ книгахъ, еже самого владыкы нашего болшая заповѣдь, еже любити другу друга, еже милость любити ко всякому чловѣку, еже любити ближняго своего аки себе, еже тѣло чисто зблности, а не осквернено будетъ блюдомо; аще ли оскверниши, то очисти е покаяниемъ; еже не высокомыслити, ни вздати зла противу злу ничего же. Тако ненавидитъ господь богъ насъ, яко злу помятива чловѣка. Како речемъ: «Отче нашъ, остави нам грѣхи наши», а сами не ставляюще?

Перевод

Не было кары, которая бы нас миновала, и теперь непрестанно казимы: не обратились мы к господу, не раскаялись в наших грехах, не отступились от злых своих нравов, не очистились от скверны греховной, позабыли страшные кары на всю нашу землю; в ничтожестве пребывая, себя почитаем великими. Вот почему не кончается злое мучение наше: зависть умножилась, злоба нас держит в покорстве, тщеславие разум наш вознесло, к ближним вражда вселилась в наши сердца, ненасытная жадность поработила, не дала нам оказывать милость сиротам, не дала познать природу людей – но как звери жаждут насытить плоть, так и мы жаждем и стремимся всех погубить, а горестное их имущество и кровавое к своему присоединить; звери, поев, насыщаются, мы же насытитися не можем: того добыв, другаго желаем! За праведное богатство бог не

гневаются на нас, но, как сказал пророк: «Господь с небес взглянул, чтобы видеть, есть ли кто, разумеющий или ищущий бога, но все уклонились совместно», и далее: «Неужели не вразумятся творящие беззаконие, поедаящие народ мой вместо хлеба?» Апостол же Павел непрестанно восклицает, говоря: «Братья, не участвуйте в злобных деяниях и темных, ибо лихоимцы и грабители совместно с идолослужителями осуждены будут». Моисею вот что сказал бог: «Если обидой обидите вдову и сироту, возопят ко мне, слухом услышу вопль их, и разгневаюсь яростью, и погублю вас мечом». И ныне сбылось о нас сказанное: не от меча ли мы пали? не однажды, не дважды ли? Что же следует делать нам, чтобы грехи исчезли, те, что терзают нас? Вспомните достойно написанное в божественных книгах, что и владыки нашего самая важная заповедь – любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку, любите ближнего своего как самого себя, тело свое сохраняйте чистым, не оскверняя его, а коль осквернили, то очистите его покаяньем; не возгордитесь, не воздайте злом за зло. Весьма ненавидит господь бог наш злопамятного человека. Как можем сказать: «Отче наш, отпусти нам грехи наши», а сами не прощаем?

Сказание об Индийском царстве

Греческое литературное произведение «Послание» мифического царя-христианина Иоанна византийскому императору Мануилу попало на Русь в XIII в. На русской почве, видоизменяясь и переплетаясь с другими произведениями, оно зажило собственной жизнью. Для читателей русского средневековья «Сказание», очевидно, играло ту же роль, какую в современной литературе играет научная фантастика.

Текст

Есть у мене в единой странѣ люди нѣмы, а в ыной земли люди рога-ты, а в ыной странѣ люди трепяцци, а инья люди 9-ти сажен, иже суть Болотове, а инья люди четвероручны, а инья люди о шти рук, а инья у мене земля, в ней же люди пол пса да пол человека, а иные у мене люди в персех очи и рот, а во иной земли у мене люди верху рты великы, а иные у мене люди скотьи ноги имѣюще. Есть у мене люди пол птицы, а пол человека, а инья у мене люди глава песья; а родятся у мене во царствии моем звѣрие у мене: слонови, дремедары, и коркодилы и велбуди керно. Коркодил звѣрь лют есть, на что ся разгнѣваеть, а помочится на древо или на ино что, в той час ся огнем сгорить. Есть в моей земли пѣтухы, на них же люди яздятъ. Есть у меня птица ногои, вьет себѣ гнез-

до на 15 дубов. Есть в моем царствии птица финикс, свивает себе гнездо на нов месяц и приносить от огня небеснаго и сама зажигает гнездо свое, а сама ту тоже сгараеть; и в том же попелъ заражается червь, и опернатъеть, и потом та же птица бывает едина, болъ того плода нѣт той птицы, 500 бо лѣт живетъ. А посреди моего царства идетъ рѣка Едем из рая, в той рѣцѣ емлютъ драгии 4 камень акинф и самфир, и памфир, и измарагд, сардик и аспид, тверд же и аки уголь горящъ. Есть камень кармакаул, той же камень господин всем камением драгим, в ноци же свѣтитъ, аки огонь горить.

Перевод

И живут у меня в одной области немые люди, а в другой – люди рогатые, а в иной земле – трехногие люди, а другие люди – девяти сажен, это великаны, а иные люди с четырьмя руками, а иные – с шестью, и есть у меня земля, где у людей половина тела песья, а половина человечья, а у других моих людей очи и рот в груди. В иной же моей земле у людей сверху большие рты, а другие мои люди имеют скотьи ноги. Есть у меня люди – наполовину птица, наполовину человек, а у других людей головы собачьи; рождаются в моем царстве звери: слоны, дромадеры, крокодилы и двугорбые верблюды. Крокодил – лютый зверь: если он, разгневавшись на что-нибудь, помочится – на дерево или на что-либо иное, – тотчас же оно сгорает огнем. Есть в моей земле петухи, на которых люди ездят. Есть у меня птица ног, она вьет себе гнездо на пятнадцати дубах. Есть в моем царстве птица финикс; в новолунье она свивает себе гнездо, приносит с неба огонь, сама сжигает свое гнездо и сама здесь тоже сгорает, и в этом пепле зарождается червь, покрывается перьями и потом становится единственной, той же самой, птицей, другого плода у этой птицы нет; а живет она пятьсот лет. Посреди же моего царства течет из рая река Эдем, в той же реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму, твердую и, как уголь, сверкающую. Есть камень кармакаул; этот камень – господин всем драгоценным камням, ночью он светится, как огонь горит.

Физиолог

«Физиолог» – это средневековый сборник сведений о свойствах животных, реальных и легендарных, о камнях и деревьях. Каждая статья наряду с описанием зверей, птиц, их повадок содержит толкования символично-аллегорического и назидательного характера. Славянские пере-

воды, возникшие на болгарской почве к XVIII в., сохранились только в русских списках.

Текст

О жене и о мужи. Есть жена на западе, а мужь на востоцѣ. Да совокупляется оба. И изьес мужа своего жена главу и зачнет и родит двое. Да яко же родит, ту изьедят своя чада. И абие умрет. И отидет мужь на востокъ, а жена на западъ.

Тако и ты, человекѣ, егда ти найдет житейскаа напасть, теци въ церковь и прослезися и возопи. И отступить от тебѣ неприазнь.

О Горгони. Вѣргони обличие имат жены красны и блудница. Владѣ же главы своеа суть змиа. А видение ея смерть. Играет же и смѣется во время свое. Живет же в горах западных. Да егда приидут днѣе ея, да ся гонит. Станеть и начнет звать. Наченши от лва и прочаа звѣри, от человека до скотины и птицъ и змиа, глаголющи: «Идете ко мни». Да елико их услышат глас ея, идуть к ней. И видевши ю, измирают.

Тако бо разумѣет всякъ языкъ всем звѣрем, которым же образомъ уловляеть ю волхвъ, разумѣет хитростию своею от звѣздъ день, в ня же ся гонит. И поидеть на мѣсто ея, волхвуйа отдалеча. Она же начнет звати, наченши от лва и прочая звѣри.

Егда же дойдет языка волхвова, отзовется ей, глаголя: «Ископай яму на мѣсте и вложи в ню главу свою, да ея не вижу и умру. И прииду и лягу с тобою». И сотворит тако. Тогда шедше волховъ посечеть ю за ся зря и не видитъ главы ея, да не умреть. И вложит ю во сосудину. Да егда узрит змиа или человекъ или звѣрь, кажетъ имъ главу Горгонину и абие оцепенѣють и Александръ бо имяше ю и одоляше языком всем. И ты, человекѣ, имѣй смыслъ ко господу и удобъ одолеши противным силамъ.

Перевод

О жене и о муже. Жена на западе, а муж на востоке. И вот они сходятся, и жена съедает голову своего мужа, и зачнет, и родит двойню. А как родит, сразу тут съедает своих детей. И тотчас умирает. И уходит муж на восток, а жена на запад. Так и ты, человек. Когда настигнет тебя житейская беда, устремись в церковь, прослезись и плачь. И отступит от тебя неудача. О Горгоне. У Горгоны обличие красивой женщины и блудницы. Волосы же на ее голове – змеи. А взгляд ее – смерть. Играет она и все время смеется. Живет она в горах на западе. И когда приходит ее брачная пора, встанет она и начнет звать. Начиная от льва и прочих зверей, от человека до домашних животных и птиц и змей, зовет, говоря:

«Идите ко мне!» Как только они услышат ее зов, то идут к ней. А увидев ее, умирают.

И знает она язык всех зверей. Каким же образом одолевает ее волхв: он своей мудростью по звездам узнает день ее брачной поры. И идет на место ее, волхвуя издалеча. Она станет звать, начиная от льва и всех прочих зверей. Когда же дойдет до языка волхвов, он ей отзовется так: «Выкопай на этом месте яму и вложи в нее свою голову, чтобы я не видел ее и не умер. Тогда я приду и лягу с тобой». И она сделает так.

Тогда волхв, придя, убьет ее, не глядя на нее и не видя головы ее, поэтому и не умирает. И прячет голову в сосуд. А если он увидит змею, или человека, или зверя, то покажет им голову Горгоны, и тотчас они оцепенеют; и Александр ведь имел эту голову и победил все народы. И ты, человек, имей уважение к господу и непременно одолеешь вражьи силы.

Пчела

Византийский сборник изречений, наставлений, коротких рассказов, анекдотов, поговорок, цитат, расположенных по типу и характеру пороков или добродетелей, был составлен XI в. Был переведен на русский язык в конце XII в., пользовался большой популярностью, часто переписывался, дополнялся ил, наоборот, сокращался, его тексты использовались или каким-то образом обыгрывались в оригинальных произведениях древнерусской литературы, переосмыслились в соответствии с условиями русской жизни, породив множество поговорок, широко известных русским читателям.

Текст

О БРАТОЛЮББИ И О ДРУЖБЪ

Иже строить протива лицу друга своего тенето, то самъ своею ногою увязнетъ въ немъ.

Не остави друга древняго; новый бо не будетъ ему подобень.

Филонъ. Мужъ правдивъ есть не иже не обидить, но иже обидѣти мога, то не въсхощетъ.

Аще другу не можеша угодити, то како можеша чюжему вѣренъ быти?

Все новое лучьши – и съсуды, и порты, а дружба ветхая.

Земнии плоди от лета до лѣта ражаются, а дружба по вся дни.

Аристотел. Стяжанье достойно есть приобрѣсти другъ дѣля, неже другы стяжанья дѣля.

Се поношень бысть, яко съ лукавыми живеть, и отвѣща: «Добрый врачъ есть, иже иметься лѣковати больных и отчаяныхъ всеми врачѣи».

Критий. Иже всегда бесѣдуютъ съ другомъ сладкая, то сладость на послѣдокъ на вражъство възвращается.

Антигонъ цесарь рече. Се же рабомъ моляшесь, да быша и съхранили от мнимыхъ другъ. И нѣкому въпросившю его: «Въскую такую молбу твориши?» – отвѣща: «Занѣ отъ врагъ сам ся съблюдаю, вѣдая ихъ».

Агесилаосъ рече. Нѣкто перескокъ прииде къ нему изъ нѣмецъ, а властелемъ велящимъ ему поручити вой свое, и рече: «Не подобаетъ поручити чюжихъ побѣгшему отъ своихъ».

Перевод

О БРАТСКОЙ ЛЮБВИ И О ДРУЖБЕ

Кто ставитъ другу своему силки, тотъ самъ попадетъ в нихъ ногою.

Не покидай друга старого, ибо новый не будетъ ему подобенъ.

Филон. Человекъ справедливый не тотъ, кто не обидитъ, а который могъ бы обидеть, и не захотелъ.

Если не можешь другу угодить, то какъ чужому сможешь быть веренъ?

Все новое лучше – и сосуды, и одежда, а дружба – старая.

Земные плоды отъ года до года рождаются, а дружба вовсе дни.

Аристотель. Богатство стоитъ приобретать ради друга, но не друзей ради богатства.

Вотъ, упрекаемый, что с дурными живетъ, отвечалъ онъ: «Хороший врачъ тотъ, кто берется лечить больных, которыхъ другие врачѣи признали уже безнадежными».

Критий. Если всегда о приятномъ бесѣдовать с другомъ, то удовольствіе наконецъ во вражду обратится.

Антигонъ-царь сказалъ. А этотъ просилъ рабовъ, чтобы охраняли его от мнимыхъ друзей. И когда кто-то спросилъ его: «Отчего ты о томъ умоляешь?» – отвечалъ: «Потому что отъ враговъ я и самъ сберегусь, ихъ зная».

Агесилай сказалъ. Некий перебежчикъ перешелъ къ нему отъ противника и, когда полководцы пожелали поручить ему своихъ воиновъ, сказалъ: «Нельзя доверить чужихъ сбежавшему отъ своихъ».

Сказание о Мамаевомъ побоище

«Сказание о Мамаевомъ побоище» – основной памятникъ Куликовскаго цикла. Это самый подробный рассказъ о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ и самое увлекательное сюжетное повествованіе о событіяхъ на Куликовомъ полѣ. Вероятнее всего написано в первой четверти XV в.

Особый интерес к Куликовской битве, о которой в это время еще хорошо помнили, объяснялся вновь обострившимися отношениями с Ордой. Основная мысль – необходимость единения всех князей под руководством великого князя московского для борьбы с Ордой.

Текст

Слышавъ же князь великий от языка такоу изложеную мысль и таково въстание безбожнаго царя, нача утѣшати о бозѣ и укрѣпляше брата своего князя Владимира и вси князи русские и рече: «Братие князи русские, гнѣздо есмя князя Владимира Святославича Киевского, ему же откры господь познати православную вѣру, яко же оному Еустафию Плакидѣ; иже просвѣти всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллинскихъ и заповѣда нам ту же вѣру святую крѣпко дрѣжати и хранити и поборати по ней. Аще кто ея ради постражетъ, то въ ономъ вѣцѣ съ святыми прѣвомучившимися по вѣрѣ Христовѣ причтенъ будетъ. Азь же, братие, за вѣру Христову хочу пострадати даже и до смерти». Они же ему рѣша вси купно, аки единѣми усты: «Вѣистинну еси, государь, съврѣшилъ законъ божий и испльнилъ еси евангельскую заповѣдь, рече бо господь: «Аще кто постражетъ имени моего ради, то въ будущий вѣкъ сторицею въсприметь жывоть вѣчный». И мы, государь, днесъ готови есмя умерети с тобою и главы своя положити за святую вѣру христианскую и за твою великую обиду».

Перевод

Услышав же от языка такое известие о нашествии безбожного царя, великий князь стал утешаться в боге и призывал к твердости брата своего князя Владимира и всех князей русских, говоря: «Братья князья русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл господь познать православную веру, как и Евстафию Плакиде; просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от мучений язычества, и заповедал нам ту же веру святую твердо держать и хранить и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первомученикам за веру Христову причислен будет. Я же, братья, за веру Христову хочу пострадать даже и до смерти». Они же ему ответили все согласно, будто одними устами: «Воистину ты, государь, исполнил закон божий и последовал евангельской заповеди, ибо сказал господь: «Если кто пострадает имени моего ради, то после воскресения сторицей получит жизнь вечную». И мы, государь, сегодня готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».

Житие Сергия Радонежского

Написанное Епифанием Премудрым в XV в. «Житие Сергия» не дошло до нас в первоначальном виде. В середине XV в. официальный агиограф Пахомий Лагофет, удовлетворяя требования заказчиков, придал «Житию» парадный вид: произведение было сокращено, усилился элемент похвалы святому. Произведение посвящено жизни одного из интересных русских людей XIV в. Сергей Радонежский сыграл выдающуюся роль в истории Древней Руси. Создатель крупнейшего русского монастыря – Троицкой лавры, преобразователь монастырской жизни, он занимался и политической деятельностью.

Текст

Съй ми есть и пръвый и послѣдний въ нынѣшня времена; сего богъ проявилъ есть в послѣдняя времена на скончание вѣка и послѣднему роду нашему, сего богъ прославилъ есть в Руской земли и на скончание седмыа тысяща; съй убо преподобный отецъ нашъ провосиаль есть въ странѣ Русстѣй, и яко свѣтило пресвѣтлое възсиа посреди тмы и мрака, и яко цвѣтъ прекрасный посреди тръνια и влъчець, и яко звѣзда незахдимаа, и яко луча, тайно сияючи блистающе, и яко кринь въ юдолии мирьскихъ, и яко кадило благоуханно, яко яблок добровонное, яко шипок благоуханный, яко злато бръνια, яко серебро раждежено, и искушено, и очишен седморицею, яко камень честный, и яко бисерь многоцѣнный, и яко измарагдъ и самфирь пресветлый, и яко финиксъ процвѣте, и яко кипарис при водахъ, яко кедръ иже в Ливанѣ, яко маслина плодовита, яко ароматы благоухания, и яко миро излианное, и яко сад благоцвѣтушь, и ако виноград плодоносенъ, и яко гроздь многоплоденъ, и яко оград заключенъ, и ако врьтоград затворенъ, и яко сладкий запечатлѣнный источникъ, яко съсуд избранъ, яко алавастръ мира многоцѣннаго, и ако град нерушим, и яко стѣна неподвижима, и яко забрала тврѣда, и ако сынъ крѣпокъ и вѣренъ, и ако основание церковное, яко столпъ непоколѣбимъ, яко вѣнецъ пресвѣтлый, яко корабль, исполненъ богатства духовнага, яко земный аггель, яко небесный человекъ.

Перевод

Он для меня первый и последний в нынешние времена; его бог даровал в последние времена перед концом света нам, последним людям, его бог прославил в Русской земле в конце седьмого тысячелетия; этот преподобный отец наш воссиял стране Русской, и как светило светлое воссиял посреди тьмы и мрака, и как цветок прекрасный среди терниев и

колючек, и как звезда незаходящая, как луч, тайно сияющий и блистающий, и как лилия в ущелье земном, и как кадило благоуханное, как яблоко благовонное, как шиповник благоуханный, как золото посреди пыли, как серебро раскаленное и испытанное, и очищенное семь раз, как камень прекрасный, и как жемчуг драгоценный, и сапфир светлый, и как финиковая пальма он расцвел, и как кипарис у воды, как кедр в Ливане, как маслина плодовая, как ароматы благоуханные, как миро излитое, и как сад пышный, как виноградник плодоносный, и как гроздь богатая, и как огород запертый, и как вертоград затворенный, и как сладостный скрытый источник, как сосуд избранный, как алавастр с миром ценным, и как город несокрушимый, и как стена неподвижная, и как крепость твердая, и как сын крепкий и верный, и как основание церкви, как столб неколебимый, как венец славный, как корабль, наполненный богатством духовным, как земной ангел, как небесный человек.

Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому

Это один из немногих литературных памятников начала XV в., раскрывающих взгляды современников на изобразительное искусство. Автор письма – Епифаний Премудрый – выдающийся писатель кон. XIV – нач. XV в., возможно, владевший и искусством живописца. Его адресат – Кирилл Тверской, видимо, предоставлял Епифанию Премудрому убежище во время набега хана Едигея на Москву. В письме содержатся ценные сведения о творческой биографии и художественной манере византийского живописца Феофана Грека, работавшего на Руси в XIV – нач. XV в.

Текст

«Прошу у твоего мудролюбия, да ми шарми картаеши изображение великия оная церкви святых Софи иже во Царѣграде, юже великий Иустиниан царь воздвиж ротуяся и уподобився премудрому Соломону; ея же качество и величество нѣцци повѣдаша яко московский Кремль внутреградия и округ коло ея и основание и еже обходиши округ коло ея; в ню же аще кто странен выйдет и ходити хотя без проводника, без заблужения не мощи ему вон излѣсти, аще и зѣло мудръ быть мнится, множества ради столпотворения и около столпия, сходов и восходов, преводов и переходов и различных полат, и церквей, и лѣствиць, и хранильницъ и гробницъ и многоименитых предград и предал, и окон, и путей, и дверей, влазов же и излазов, и столпов каменных вкупѣ. Написа ми нарицаемого Иустиниана, на конѣ сидяща и в руцѣ своей десницы мѣдяно держаща

яблоко, ему же рѣкоша величеством мѣра, полтретя ведра воды вливаются, и сия вся предиреченная на листе, книжнѣмъ напиши ми, да в главизнѣ книжной положу и в начало поставлю и донели же поминая твое рукописание и на таковой храм взирая, аки во Царѣграде стояще мним».

Он же, мудръ, мудръ и отвеща ми: «Не мощно есть, рече, того ни тебѣ уллучити, ни мнѣ написати, но обаче доуки твоя ради мало нѣчто аки от части вписую ти, и то же не яко от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изображеннаго пишемаго нами и прочая большая имаши навыцати и разумѣти». То рек, дерзостнѣ возьм кисть и листъ, и написа наскорѣ храмовидное изображение по образу сущия церкви во Царѣграде и вдаде ми.

Перевод

«Прошу у твоего мудролюбия, чтобы ты красками написал мне изображение великой этой церкви, святой Софии в Царьграде, которую воздвиг великий царь Юстиниан, в своем старании уподобившись премудрому Соломону. Некоторые говорили, что достоинство и величина ее подобны московскому Кремлю, – таковы ее окружность и основание, когда обходишь вокруг. Если странник войдет в нее и пожелает ходить без проводника, то заблудится и не сможет выйти, сколь бы мудрым ни казался он, из-за множества столпов и околостолпий, спусков и подъемов, проходов и переходов, и различных палат и церквей, лестниц и хранилищ, гробниц, многообразных преград и приделов, окон, проходов и дверей, входов и выходов, и столпов каменных. Упомянутого Юстиниана напиши мне сидящего на коне и держащего в правой своей руке медное яблоко, которое, как говорят, такой величины и размера, что в него можно влить два с половиной ведра воды. И это все вышесказанное изобрази на книжном листе, чтобы я положил это в начале книги и, вспоминая твое творение и на такой храм взирая, мнил бы себя в Царьграде стоящим».

Он же, мудрец, мудро и ответил мне. «Невозможно, – молвил он, – ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твоему настоянию, я малую часть ее напишу тебе, и это не часть, а сотая доля, от множества малость; но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь». Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви, находящейся в Царьграде, и дал его мне.

Сказание о битве новгородцев с суздальцами

В летописях встречаются две версии повести – одна из них проновгородская, другая антиновгородская. Обе версии, созданные независимо друг от друга, возникли в близкое к событиям время. «Сказание» объединило краткую летописную повесть и устную легенду, объяснявшую победу новгородцев над осадившими город многочисленными силами врага чудесной силой патрональной иконы Новгорода. «Сказание» возникло в 40–50-х гг. XIV в.

Текст

Бывшую же часу 6-му начата приступати ко городу вси полци рускыя. И спустиша стрѣлы, яко дождь умножень. Тогда же икона божиимъ промысломъ обратися лицомъ на град и видѣ архиепископъ слезы текуща от иконы, и приять въ фелонь свой. И великое, страшное чюдо! Како се можете быти о суха древа? Не суть бо слезы, но являеть знамение своея милости: снимѣ бо образомъ молится святая богородица сыну своему и богу нашему за град нашъ – не дати в поругание супротивнымъ.

Тогда господь бог нашъ умилосердися на град нашъ молитвами святыя богородица: пусти гнѣвъ свой на вся полкы рускыя и покры ихъ тмаб, яко же бысть при Моисѣи, егда бо проведе богъ сквозѣ Чермное море жиды, а фараона погрузи. Тако и на сихъ нападе терпеть и ужасть, и ослѣпоша вси, и начаша ся бити межи собою. Се же новгородци видѣвшю изыдоша на поле ови избѣша, а прочихъ живы изымаша.

Оттолѣ отягъся слава суздальская и честь, Новгородъ же избавлень бысть молитвами святыя богородица. Святой же архиепископъ Иванъ створи праздникъ светель, начаша праздновати всимъ Новымъгородомъ вси мужи новгородцию жены и дѣти Честному Знамению святыи богородица. Богу же нашему.

Перевод

И вот, когда наступил шестой час, начали наступать на город все русские полки. И полетели на город стрелы, словно дождь проливной. Тогда икона по божьему соизволению обратилась ликом к городу, и увидел архиепископ текущие слезы от иконы, и подставил он под них фелонь свою. О великое, внушающее трепет чудо! Как это может произойти от сухого дерева? Не слёзы ведь это, но проявила она тем знак свой милости: так ведь молилась святая богородица сыну своему и богу нашему за город наш, чтоб не отдал он его в поругание неприятеля.

Тогда господь бог наш умилился над городом нашим по молитвам святой богородицы: обрушил гнев свой на все полки русские, и покрыла их тьма, как было при Моисее, когда провел бог израильтян сквозь Красное море, а фараона потопил. Так и на сих напал трепет и ужас, и ослепли все, и начали биться меж собой. Увидев это, новгородцы вышли в поле и одних перебили, а других захватили в плен.

Так минула слава суздальская и честь, Новгород же избавлен был от беды молитвами святой богородицы. Святой же архиепископ Иоанн учредил праздник светлый, и начали праздновать всем Новгородом,- все новгородцы, мужчины, женщины и дети, – праздник Честного Знамени святой богородицы.

Богу нашему слава.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К АНАЛИЗУ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – СЕРЕДИНЫ XVII вв.

Второй период истории русского литературного языка отражает основные внешние и внутрilingвистические процессы, повлиявшие на поступательное развитие литературного языка, нашедшие свое отражение в языковых и стилистических особенностях книжных и деловых текстов данного временного среза. К внешним событиям относится этногенез трех восточнославянских народностей (русской, белорусской и украинской), связанный с образованием новых государственных объединений на землях Древней Руси – Московского государства, Великого Княжества Литовского, а также с вхождением части юго-западных и западных древнерусских земель в Речь Посполитую, Молдавию и Венгрию; и второе южнославянское влияние, определившее во многом направление идеологического развития Московской Руси, Беларуси и Украины и культурологические импульсы 2-ой половины XIV – начала XVI веков. Эти события определили, во-первых, лингвоэтническое развитие восточных славян, в частности, формирование трех восточнославянских языков (русского, белорусского и украинского), которое четко подтверждается языковыми данными, а во-вторых, закономерность эволюции литературного (церковнославянского) языка, который наряду с православной верой являлся фактором, объединяющим восточнославянские народы в своеобразный культурно-религиозный.

Реформа книжного языка в результате редактирования книг во время второго южнославянского влияния была вызвана расширением противопоставления литературных и разговорных форм в результате развития живой речи. В процессе редактирования произошло интенсивное оттачивание книжного языка от разговорной речи, что привело к запрету на введение лексических заимствований из живого языка в литературный. Это, в свою очередь, вызвало активизацию лексических новообразований по церковнославянским моделям (суф. *-тель*, *-тельн-*, приставки *со-*, *воз-*, сложение), которая привели к фактическому обновлению книжного языка. Основные изменения, произошедшие в литературном языке в связи с редактированием канонических книг по болгарскому и сербскому изводам церковнославянского языка, коснулись начертаний отдельных букв; введения идеографических и пунктуационных знаков; восстановления «юса большого», сочетания редуцированного с плавным (*врѣхъ*); устранения йотации (*моа*, *всаа*); появления рефлекса *жд* на месте **dj*; установления правила написания грецизмов по греческой орфографии; орфографии *i*; употребления звательной формы (*Василіе*), дифференци-

рованных написаний лексических омонимов (*міръ* и *миръ*); родительного восклицания; одинарного отрицания; усложнения синтаксических конструкций; становления риторической модели «плетение словес».

В XVI в. возникает грамматический подход к нормализации литературного языка наряду с ориентацией на образцовые тексты, причем первое упоминание о грамматике у восточных славян связано с именем Франциска Скорины (1517 г.); белорусам и украинцам принадлежит заслуга создания первых грамматик и словарей церковнославянского языка и «простой мовы» (грамматики Л. Зизания, М. Смотрицкого, Ужевича и др., словари Л. Зизания, П. Берынды, «Синонима славеноросская»). Научное разъяснение необходимости знания грамматических правил для соблюдения нормы книжного языка получило доказательное обоснование в статьях Максима Грека.

Важно понять, что главным следствием второго южнославянского влияния было образование общего извода книжного (церковнославянского) языка, который функционировал у восточных славян. Но с XVI в. в Московском государстве, в Беларуси и на Украине происходит размежевание общих культурно-языковых традиций, ранее объединявших восточных славян. В Московской Руси при сохранении диглосной языковой ситуации (противопоставления книжной и разговорной стихии) формируется новый извод книжного языка вследствие очищения литературного языка от специфических черт второго южнославянского влияния в результате переводческой деятельности М. Грека и его учеников. В Беларуси и на Украине изменяется языковая ситуация, устанавливается церковнославяно-белорусское (украинское) двуязычие – церковнославянский («сла(о)венский», «сла(о)венорос(сий)ский») язык и русский («простая мова»), но при этом сохраняются языковые традиции второго южнославянского влияния, т. е. две составляющие культурно-лингвистического пространства восточных славян приобретают позицию дополнительного распределения.

При анализе фрагментов текстов студенты должны ориентироваться на предшествующую типологию памятников письменности XI–XIV вв., представленную в первой части учебного пособия: памятники книжного языка строгой нормы, памятники книжного языка нестрогой нормы, памятники делового языка некнижной нормы.

При изучении фрагментов текстов литературного языка строгой нормы необходимо помнить о том, что в книжном языке строгой нормы в XVI в. развивается стилистическая оппозиция высокого книжного стиля и низкого («просторечіе», «простословіе»). Характерные признаки высокого стиля (стиль «плетеніе словес»): отталкивание от нейтральных

книжных элементов и последовательное использование специфически книжных (дв. число; конструкции со значением цели, желательности **«да + презентная форма глагола»**; дательный самостоятельный; сложная система форм прошедшего времени; старые временные союзы; широкое использование причастных форм; энклитические местоимения; местоимения *иже, яже, еже*; И. п. существительных муж. рода на **-и** и др.). Стилистическая фактура текстов отличается амплификацией, которая достигается употреблением многочисленных сложных слов искусственного характера, широким использованием отвлеченной лексики с церковнославянскими структурными элементами, тавтологическими оборотами книжного характера (*насытить сытых до сытости*), изысканным подбором метафор, перифраз, сравнений, антитез, разных типов повторов (повтор одного слова в разных грамматических формах, повтор корней, приставок, окончаний, отдельных слов в пределах небольшого контекста), фонетической архитектоникой, семантическим и синтаксическим параллелизмом. Указанные языковые и стилистические особенности отразились в религиозной, историко-повествовательной, публицистической литературе. Характерные признаки «простословия» составляют непоследовательное употребление специфически книжных форм наряду с нейтральными формами (Р. п. на **-ого**, полные местоимения вместо кратких *я/ихъ, е/его, ю/ея, и/его, иже/который, некоторый/нѣции*, отсутствие риторических приемов и др.). Низкий стиль книжного языка строгой нормы нашел свое отражение в сочинениях Нила Сорского, Максима Грека, Андрея Курбского, Повести о Петре и Февронии, Повести о Вавилонском царстве, Повести о Новгородском белом клобуке, Новой повести о Российском царстве, Плаче о пленении Московского государства и др. Литературное «просторечие» способствовало консолидации в рамках книжного языка книжных и некнижных (разговорных) элементов в качестве нейтральных языковых средств выражения.

Памятники литературного языка сниженной нормы, включающие оригинальные произведения светской литературы отражают чередование книжных и некнижных контекстов в зависимости от модальной установки автора текста. Книжные контексты ориентируются на строгую или нестрогую норму. В некнижных контекстах используются формы живой речи и делового языка (вариантные формы существительных муж. рода Р. п. на **-а** и **-у**, М. п. на **-е** и **-у**, И. п. мн. числа на **-ы**, **-а**; перфектные формы без связки, 2 лицо ед. числа на **-шь**, инфинитив на **-ти (-чи)**, Р. п. прилагательных муж. рода ед. числа **-ого**; конструкции со значением цели, желательности **«дабы + причастие на -л»**, **«чтобы + инфинитив»**, **«да + форма сослагательного наклонения»**, новые союзы (*когда, как,*

что, чтобы, если), инфинитивные предложения и др.), также могут употребляться нейтральные книжные форм (формы на *-з, -ц, -с*; сочетания *кы, гы, хы*; Р. п. на *-аго, -ья* прилагательных и др.) и специфические книжные формы (формы аориста, имперфекта, перфекта со связкой, инфинитива на *-ти*, формы 2 лица ед. числа на *-ши* и др.).

При анализе фрагментов деловых и юридических текстов студенты должны помнить, в этот период происходит расширение жанров деловой письменности. Кроме духовных, вкладных, купчих и др. грамот, юридических кодексов появляются писцовые книги, в которых переписывается население государства для сбора податей, дозорные книги разоренных земель, посольские списки, частные письма; происходит расширение функций делового языка за счет включения в его коммуникативную сферу лечебников, хозяйственных руководств, дипломатических документов и т. д. Централизованное государство востребовало формирование единой нормы делового языка на основе московского койне в связи с унификацией делопроизводства. Деловой язык сохраняет традиционную ориентацию на живую речь, поэтому деловые и юридические тексты отражают произносительные особенности разговорной речи (аканье, ассимилятивные изменения согласных); морфологические (окончание *-у* в Р. и М. п. ед. числа существительных муж. рода, *-ы/-и* в И. и В. п. мн. числа существительных муж. и жен. родов, унифицированные формы мн. числа существительных в Д., Тв. и П. падежах, *-ого/-его* в Р. п. ед. числа прилагательных муж. и ср. родов, формы будущего времени со вспомогательными глаголами **стану** и **начну** и др.); синтаксические (наличие переходных предложений от паратаксиса к гипотаксису, выражение подчинительных отношений сочинительными союзами, цепные конструкции с союзами *и, да*, присоединительные конструкции, использование новых союзных средств *если, что, чтобы, коли, когда* и др.)

Указанные языковые особенности трех типологических разрядов русской книжности Московского государства 2-ой половины XIV – середины XVII веков должны лечь в основу исследования фрагментов текстов с целью определения их типологической принадлежности на основе языковых и стилистических особенностей, которые в совокупности придадут достоверность результатам проведенного анализа. В добрый путь, трудолюбивые пчелы!

ТЕКСТЫ

Хождение за три моря Афанасия Никитина

«Хождение за три моря» тверского купца XV века Афанасия Никитина – один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Важнейшей особенностью этого памятника является его совершенно неофициальный характер, т. к. это записки русского человека, попавшего в чужую страну, не имевшие определенного адресата. Об Афанасии Никитине нет никаких сведений, кроме тех, что содержатся в «Хождении» и в заметке, предшествующей ему в летописной редакции. Путевые заметки Афанасия Никитина были дневником, только без датировки. Некоторые наиболее сомнительные с официальной точки зрения разделы записаны автором по-тюркски и по-персидски. Автор не приспособивал свои записки к этикетным нормам, характерным для церковной и официальной светской литературы того времени. Непосредственность и конкретность изложения, личностный характер рассказа, способность автора раскрыть перед читателем свой внутренний мир – все это ставит произведение в один ряд с таким произведением, как «Житие» протопопа Аввакума, созданным два века спустя.

Текст

А всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуѣку. А князь ихъ – фота на головѣ, а другая на гузнѣ; а бояре у них – фота на плещѣ, а другаа на гузнѣ, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне. А слуги княлше и боярьские – фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт.

А ис Чювиля сухом пошли есмя до Пали 8 дни, до индѣйския горы. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индѣйскый. А от Умри до Чюнеря 7 дни.

Ту есть Асатхан Чюнерския индийскый, а холоп меликѣтучаровѣ. А держит, сказываютъ, семь темъ от меликѣточара. А меликѣтучар сидит на 20 тмах; а бѣется с кафары 20 лѣт есть, то его побивают, то он побивает ихъ многажды. Хан же Асѣ ѣздит на людех. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много хоросанцев. А привозят ихъ из Хоросаньские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Турк-

менские земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах – индѣйские карабли.

И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и дошелъ есми до Чюнеря богъ даль поздорову все, а стал ми во сто рублев. Зима же у них стала с Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнерѣ, жили есмя два мѣсяца. Ежедень и ночь 4 месяцы всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орют да сѣют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все сѣстное. Вино же у них чинят в великих орѣхах – кози гундустанская; а брагу чинят в татну. Кони же кормят нофутотом, да варят кичирисъ с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают имъ шешни. В Ындѣйской же земли кони у них не родят, въ их землѣ родятся вола да буйволы, на тѣх же ѣздят и товар, иное возят, все дѣлают.

Чюнерей же град есть на острову на каменом, не одѣланъ ничѣм, богом сотворен. А ходят на гору день по одному человѣку: дорога тесна, а двема поити нелзѣ.

В Ындѣйской земли гости ся ставят по подворьем, а ѣсти варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми, сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесъ екъ житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят бѣлых людей.

Текст

Индѣяне же вола зовут отцем, а корову материю. А каломъ их пекут хлѣбы и ѣству варят собѣ, а попелом тѣмъ мажутся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу знамя. В недѣлю же да в понедѣльник едят однова днем. В Ындѣя же какъпа чектуръ а учюсьдеръ: секишь илирсень ики жител; акичаны ила атарсын алты жетел беръ; булара достуръ. А куль коравашъ учюзь чяр фуна хубъ, бем фуна хубъ сия; капъкара амьчюкъ кичи хошь.

От Первати же приѣхал есми в Бедеръ, за пятнатцать день до бесерменьскаго улубагря. А Великаго дни и въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бывает християньскы первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нѣт ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограби-ли, инии ихъ взяли, а яз забыл вѣры кристьяньские все, Праздники кристьянские, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятници не знаю; а промежу есми вѣр таньгрыдан истрѣмень ол сакласын: «Олло худо, олло акъ, олло ты, олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагым елъло, олло карим елло, таньгресень, худосеньсень. Богъ един, тѣй царъ славы, творецъ небу и земли».

А иду я на Русь, кѣтъмыштыр имень, уручь тутѣтым. Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса

есми не ъль и ничего скоромнаго, никакие ъствы бесерменские, а ъль есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятмадым. Да молился есми Христу вседръжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ, богъ олло, богъ керим, богъ рагимъ, богъ худо, богъ акъберъ, богъ царь славы, олло вареио, олло рагим ельно сеньсень олло ты.

А от Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дѣгу шесть дни, а от Дѣга до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучъзрята 10 дни, а от Кучъзрята до Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивиля 12 дни, а от Чювиля до Дабыля 6 дни. И Дабыло же есть пристанище в Гундустану послѣднее бесерменству, А от Дабыля до Колекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шаибата мѣсяць итти, а от Шаибата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачина мѣсяць итти, морем все то хождение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 мѣсяць, а морем 4 дни итти, арасть хода чогъмъ.

Текст

В Ындѣе же бесерменской, в Великом Бедерѣ, смотрил есми на Великую ночь на Великий день Волосыны да Кола в зорю вошли, а Лось главою стоит на восток.

На багрям на бесерменской выѣхал султан на теферич, ино с ним 20 возыров великих, да триста слонов наряженных в доспѣсах булатных да з городки, да и городкы окованы. Да в городкѣх ио 6 человекъ в доспѣсах, да и с пушками да и с пищальми, а на великом слоне по 12 человекъ. Да на всяком по два приборца великих, да к зубом повязаны великие мечи по кентарю, да к рылу привязаны великия желѣзныя гири. Да человекъ сидит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него желѣзной великой, да тѣм его правят. Да коней простых тысяща в снастьхъ золотых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковры 300. Да на салтане кавтан весь сажень яхонты, да на шапке чичьяк олмаз великий, да саадак золот съ яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ним скачет кафаръ пѣшь да играет теремцомъ, да за ним пѣших много. Да за ним благой слонъ идет, а весь в каыкъ наряжень, да обивает люди, да чѣпъ у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.

А брат султанов, а тот сидит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человекъ.

А махтумъ сидит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех.

Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на беса

Устная легенда о чудесном путешествии на беса в Иерусалим первого новгородского архиепископа Иоанна возникла, по-видимому, очень рано. Сюжет этой легенды – служение человеку заклятого крестным знаменем беса – восходит к сказочному фольклору Древней Руси (этот фольклорный мотив нашел отражение в «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя). Точных данных о том, когда эта легенда об Иоанне была зафиксирована как литературно-письменное произведение, нет. До нас повесть дошла в составе «Жития Иоанна Новгородского», написанного, скорее всего, известным агиографом XV века Пахомием Логофетом.

Текст

Понеже нѣсть се достойно молчанию предати, еще богъ сотвори святителемъ своимъ Иоанномъ. Многажды же бываетъ со искушениемъ над святыми попущениемъ божиимъ, да болма прославятся и просвѣтятся яко злато искушено. «Прославляюща мя, – рече, – прославлю». Дивень бо есть богъ во святыхъ своихъ; богъ прославляя святыхъ своя. И паки рече Христосъ: «Се дахъ вамъ власть надъ духы нечистыми».

Въ единъ убо отъ дний святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы ношныя свершающу. Имѣяше же святой сосудъ с водою стоящъ, из него же умывашеся. И слыша въ сосудѣ ономъ нѣкотораго поропщуща в водѣ, и прииде скоро святой, и уразумѣ бѣсовское мечтание. И, сотворь молитву, и огради сосудъ крестомъ и запрети бѣсу. Хотяще бо пострашити святаго, но приразився твердому адаманту, твердаго же адаманта не поколѣба и самъ вселукавый сотресея.

И не на долгый часъ не могый терпѣти бѣсъ, нача вопити: «О, лють нужди сея! Се бо огнемъ палимъ есмь, не могу терпѣти, скоро испусти мя святче божий!» Святой же рече: «Кто еси ты и како сѣмо прииде?» Дьяволъ же рече: «Азь есмь бѣсъ лукавый, и приидохъ смутити тя. Мняхъ бо, яко человекъ устрашишися и от молитвы упразднишися, ты же мя злѣ заключивъ в сосудѣ семъ. Се бо яко огнемъ палимъ зило, горе мнѣ, окаянному! Како прелстихся, како внидохъ сѣмо, недоумѣвся! Нынѣ же пусти мя, рабе божий, и отселе не имамъ приити сѣмо!»

И надолзѣ вопиющу неприязненному, святой же рече: «Се за дерзость твою повелѣваю ти: сее ноши донеси мя из Великого Новаграда въ Иерусалимъ-градъ и постави мя у церкви, идѣ же гробъ господень, и изъ Иерусалима-града сее же ноши в келии моей, в ню же дерзнулъ еси внити. И азъ тя испущу». Бѣсъ же всячески обѣщася сотворити волю святаго, токмо рече: «Испусти мя, рабе божий, се бо лють стражду!»

Святый же, запретивъ бѣсу, испусти и, рекъ: «Да будеши яко конь уготовленъ, предстояй предъ кѣльею моею, да имамъ на тя въсѣсти и совершити желание свое». Бѣсъ же изыде яко тма изъ сосуда, и ста яко конь предъ кѣльею святаго, яко же требѣ святому. Святый же, изыде искѣлья, и въоружи себе крестомъ, и всѣде на нь, и обрѣтесе тоя нощи во Иеросалимѣ-градѣ близъ церкви святаго Въскресения, идѣ же гробъ господень и часть животворящаго древа.

Бѣсу же запрети, да не отъидеть отъ мѣста того. Бѣсъ же стоя, никакъ же могий двинути с мѣста, дондеже святый прииде къ церкви святаго Воскресения.

И ста предъ дверми церковными и, преклонивъ колѣни, помолися, и отверзошася двери церковныя сами о себѣ, и свѣщи и пандикадила въ церкви и у гроба господня възъжгошася. Святый же благодарственѣ моля бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу господню и облобыза и, тако же и животворящему древу, и всѣмъ святымъ образомъ и мѣстомъ, иже суть въ церкви. Изыде изъ церкви, совершивъ желание свое, и паки двери церковныя особъ затворишася.

И обрѣте святый бѣса стояща на томъ мѣсте, идѣ же повелѣ ему, яко коня уготовлена. И всѣде на нь святый, и обрѣтесе тое же нощи в Великомъ Новѣградѣ, в келии своей.

И отходя бѣс ис кѣлии святаго, и рече: «Иоанне! ты мя потруди. во единой нощи донести себе из Великого Новаграда во Иеросалимѣ-град, и тое же нощи изъ Еросалима-града в Великий Новѣград. Се бо запрѣщениемъ твоимъ, яко узами неразрѣшенно держимъ бых и бѣднѣ сего претерпѣх. Ты же да не повѣси никому же збывшаяся о мнѣ. Аще ли исповеси, аз же имамъ на тя искушение навести. Имаши бо, яко блудникъ осуженъ быти, и много поруганъ быти, и на плоть посаженъ на рецѣ, рекомомъ Волховѣ». Сиа же блядущу лукавому, святый же сътвори крестыое знамение, и исчезе бѣсъ.

Нѣкогда же святому, яко же имѣяше обычай, упражняющуся въ духовнѣй бесѣде съ честными игумены, и со искуснѣйшими иереи, и з богобоязновыми мужи, и учение свое простирающу, и святых житиа сказающу, еже на ползю людемъ. Людем же послушающимъ в сладость святаго учения: не лѣнивъ бо бяше еже учити люди. Тогда же глагола, яко о иномъ нѣкоторомъ сказауа, еже збытсѣ на нем. «Азь, рече, вѣмъ такова человекъ, бывша во единой нощи из Великого Новаграда во Иеросалимѣ-градѣ, и поклонився гробу господню и паки воз-вратившася тое же нощи в Великий Новѣград». Игуменомъ же, иереомъ и всѣмъ людемъ удивльшимся о семъ.

И от того времени попустиемъ божинъмъ нача бѣсѣ искушение наводити на святаго. Народи убо града того многажды видяху яко жену блудницу текущу ис келии святаго: бѣсѣ бо преображашеся в жену. Народи же, не вѣдяху, яко бѣсѣ есть мечтау, но весма мняху жену блудницу и соблажняхуся о семъ. Иногда же и начальници града того, приходяще в кѣлию святаго благословения ради, видятъ мониста дѣвичья лежаща, и сандалиа женская, и рубища, и о семъ оскорбляхуся, недоумѣюще что рещи. Вся же си бѣсѣ мечтау показаваше имъ, да востануть на святаго и возглаголють неправедная и изженуть.

Народи же они с начальники своими совѣтовавше, рекоша к себѣ: «Неправедно есть таковому святителю быти на апостольскомъ простолѣ, блуднику сущу: идемъ и изженемъ и». О таковых бо людех Давидъ рече: «Нѣмы да будутъ устны льстивыя, глаголющая на праведнаго безаконие гордынею и уничижениемъ», – понеже они мечтанию бѣсовскому вѣры имше, имуще же яко и жидовскую сонмицю.

На предлежащее же возвратимся.

И пришедше народи к келии святаго, бѣсѣ же потече народом зрящим во образи отроковицы, яко ис келии святаго. Народи же восклицаша да изымають ея. И не можаху, гнавше довольно.

Святой же, слышавъ молву народа у келии своей, изыде к нимъ и рече: «Что есть, чада?» Они же изглаголаша ему вся, яже видѣша, святаго же глаголомъ не внимаху, и осудиша его яко блудника. И имше его нудма, поругашася ему и, недоумѣваху что быша сотворили ему, и умыслиша тако: «Посадимъ его на плотъ на реку на Волхов – и да выпловетъ из града нашего внизъ по рѣци».

И выведоша святаго и целомудренаго великаго святителя божия Иоанна на Великий мостъ, еже есть на рѣцы на Волховѣ и, низвѣсивше святаго, на плотъ посадиша. И збысться лукаваго диавола мечтание. Диаволь же нача сему радоватися, но божия благодать преможе и святаго вѣра къ богу и молитвы.

И егда посаженъ бысть святитель божий Иоанн на плотъ, на рецѣ на Волховѣ, и поплоче плотъ вверхъ рѣки, никим же порѣваем, на нем же святой сѣдѣше, противу великие быстрины, еже есть у Великого мосту, къ святаго Георгия монастырю. Святой же моляшеся о них, глаголя: «Господи! Не постави имъ грѣха сего: не вѣдят бо, что творять!» Диаволь же видѣвъ, посрамися и возрыда.

Народи же, видѣвше таково чудо, растерзаху ризы своа и возвращахуся, рекуще: «Согрѣшихомъ, неправедное содѣяхомъ – овци сыи пастыря осудихом. Се бо видим, яко от бѣсовскаго мечтания сие сотворися нам!» И шедше скоро в великую Премудрость Божию, и повелѣша свя-

щенному собору, иереом и диаконом, со кресты пойти вверх по берегу реки Волхова ко святого Георгия монастырю и молити святого, дабы возвратился на престоль свой. Священный же соборъ со тщанием взяша честный крестъ и икону святити Богородици, яко же лѣпо бѣ, и поидоша по берегу реки Волхова вослѣд святого, моляще его, дабы ся возвратил на престоль свой

Перевод

Нельзя забвениго предать то, что случилось однажды по божьему изволению со святителем Иоанном. Нередко выпадает святым испытание попущением божьим, чтобы еще больше прославлялись и просияли, как золото искусно выделанное. «Прославляющего меня,— говорит господь,— и я прославлю». Дивен ведь бог святыми своими; сам бог святых своих прославляет. И еще сказал Христос: «Дал я вам власть над духами нечистыми».

Однажды святой по своему обычаю творил ночные молитвы в ложнице своей. Здесь у святого и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услышав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знаменем, и заключил в нем беса. Хотел бес пострадать святого, но натолкнулся на несокрушимую твердыню и твердыни этой поколебать не смог, а сам лукавый был сокрушен.

И не в силах терпеть ни минуты, начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Огонь палит меня, не могу вынести, поскорее освободи меня, праведник божий!» Святой же спросил: «Кто ты таков и как попал сюда?» Дьявол же ответил: «Я бес лукавый, пришел, чтобы смутить тебя. Ведь надеялся я, что ты, как обычный человек, устрашишься и молиться перестанешь. Ты же меня, на мое горе, заключил в сосуде этом. И вот как огнем палим я нестерпимо, горе мне, окаянному! Зачем польстился, зачем пришел сюда, не понимаю! Отпусти меня теперь, раб божий, а я больше никогда не приду сюда!»

И сказал святой беспрерывно вопившему бесу: «За дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отнеси меня на себе из Великого Новгорода в Иерусалим-град, к церкви, где гроб господен, и в сию же ночь из Иерусалима-града – назад, в келию мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я выпущу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого, только умолял: «Выпусти меня, раб божий, люто я страдаю».

Тогда святой, зажав беса, выпустил его, сказав: «Да будешь ты как конь оседланный, стоящий перед кельею моею, а я сяду на тебя и исполню желание свое». Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем

перед кельею Иоанна, как нужно было святому. Святой же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него, и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения, где гроб господен и часть животворящего креста господня.

Беса же заклил святой, чтобы он не мог с места того сойти. И бес стоял, не смея сдвинуться с места, покуда святой ходил в церковь святого Воскресения.

Подошел Иоанн к дверям церковным и, преклонив колени, помолился, и сами собой открылись двери церковные, и свечи и паникадила в церкви и у гроба господня зажглись. Святой же возблагодарил в молитве бога, прослезился, и поклонился гробу господню, и облобызал его, поклонился он также и животворящему кресту, и всем святым иконам, и местам церковным. Когда вышел он из церкви, осуществив мечту свою, то двери церковные снова сами собой затворились.

И нашел святой беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей.

Когда уходил бес из кельи святого, то сказал: «Иоанн! Заставил ты меня в одну ночь донести тебя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и в ту же ночь из Иерусалима-града в Великий Новгород. Ведь заклитием твоим, как цепями, был я крепко связан и с трудом это все претерпел. Ты же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если же расскажешь, то я тебя оклеветшу. Будешь тогда как блудник осужден, и сильно надругаются над тобой, и на плот тебя посадят, и пустят по реке Волхову». И когда так пустословил лукавый, святой перекрестил его, и исчез бес.

Однажды Иоанн, как это было в его обычае, вел душеспасительную беседу с честными игуменами, и с многоразумными иереями, и с богобоязненными мужами, поучая и рассказывая о жизни святых, для пользы душевной людям. Люди же в сладость слушали поучения святого: не ленился он учить людей. И поведал он тогда, как будто о ком-то другом рассказывая, что с ним самим случилось. «Я, – говорил, – знаю такого человека, который за одну ночь успел попасть из Новгорода Великого в Иерусалим-град, поклонился там гробу господню и снова той же ночью вернулся в Великий Новгород». Игумены же, иереи и все люди подивились этому.

И вот с того времени попущением Божиим начал бес клевету возводить на святого. Жители того города неоднократно видели, будто блудница выходила из кельи святого: это бес преображался в женщину. Горожане же, не зная, что это бесовское наваждение, были уверены, что это на самом деле блудница, и впадали в сомнение. Случалось также, что на-

чальствующие города этого, приходя в келью святого для благословения, видели там мниста девичьи, и обувь женскую, и одежду, и негодовали на это, не зная, что и сказать. А все это бес наваждением своим показывал им, чтобы восстали на святого, несправедливо осудили его и изгнали.

Посоветовавшись с начальствующими своими, горожане порешили между собой: «Не подобает такому святителю, блуднику, быть на апостольском престоле: идем и изгоним его!» Ведь это о таких людях Давид сказал: «Пусть онемеют уста льстивые, в гордыне изрекающие ложь о праведнике», – потому что поверили они бесовскому наваждению, как некогда еврейский народ.

Но возвратимся к нашему рассказу.

Когда пришел народ к келье святого, то бес перед глазами всех людей побежал в образе девицы, будто из кельи святого. Люди же закричали, чтобы схватили ее. Но хоть и долго гнались, не смогли поймать.

Святой же, услышав говор людской у кельи своей, вышел к народу и спросил: «Что случилось, дети мои?» Они же рассказали все, что видели, и, не внимая оправданиям святого, осудили его как блудника. И схватили его насильно, и надругались над ним, и, не зная, что еще сделать с ним, надумали так: «Посадим его на плот на реке Волхове – пусть выплывет из нашего города вниз по реке».

И вывели святого и целомудренного великого святителя божьего Иоанна на Великий мост, что на реке Волхове, и, опустив святого с моста, на плот посадили. Так сбылось предсказание лукавого дьявола. Дьявол же этому возрадовался, но божья благодать, и вера святого в бога, и молитвы пересилили.

Когда посадили божьего святителя Иоанна на плот на реке Волхове, то поплыл плот, на котором сидел святой, вверх по реке, никем не подталкиваемый, против самой быстрины, которая как раз у Великого моста, к монастырю святого Георгия. Святой же молился о новгородцах, говоря: «Господи! Не вмени им это во грех: ведь сами не ведают, что творят!» Дьявол же, увидев это, посрамился и возрыдал.

Люди же, узрев такое чудо, стали рвать одежды на себе и пошли, говоря: «Согрешили мы, несправедливо поступили – овцы осудили пастыря. Теперь-то видим, что бесовским наваждением все произошло!» И побежали в храм великой Поюмудрости божией и велели священному собору – иереям и дьяконам – идти с крестами вверх по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия, и молить святого, чтобы возвратился на престол свой. Священники поспешно взяли честной крест и икону святой Богородицы, как подобает, и пошли по берегу Волхова вослед за святым, умоляя его, чтобы возвратился на престол свой.

Повесть о Благовещенской церкви

Повесть связана с именем архиепископа новгородского Иоанна, но в состав «Жития Иоанна Новгородского» она не включалась. Повесть эта дошла в небольшом числе списков и, как правило, в виде приложения к тексту жития. Основой повести послужила устная легенда о построении братьями Иоанном и Григорием Благовещенского монастыря.

Текст

Той же чюдный мужь Сергий повѣдаше о Благовѣщенскомъ монастыри в Великомъ Новѣграде на Поле, ею же создаша два брата по плоти, потом же оба быша архиепископы Великому Новуграду, именемъ Григорий и Иоаннь. Сии убо бѣста брата себѣ по плоти, благородну и благочестиву и богату родителю чада. Имѣста же оба между собою любовь, яко истинаая братия плотию и духомъ. И яко видеста родители своя преставльшася, имѣния же многа оставльша, имѣяста же вѣру велию ко пречистой богоматери, владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии, помыслиста же создати монастырь во имя пречистыя богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения. И яко же поставиша церковь древяну, и монастырь сотвориша, и соградиша, и вся, яже на потребу, устроиша – и келии и трапезу; таже, не по мнозе времени, совѣщастася поставити церковь каменну, и наяша хитрецевъ, зиждущих церкви.

И яко же начаша созидати и совершиша до рамень, и не доставшу серебру на совершение. Они же начаша тужити, не вѣдуще, что сотворити. И от многия же печали и срама помолишася пречистой богоматери, глаголяще:

Молитва: «Ты убо, владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже к сыну твоему и Богу нашему и к тебѣ. Яко же со всѣмъ усердиемъ и вѣрою на дѣло сие пречестнаго твоего храма подвигохомся, и на тя, богомати, помощь и надежду возложихомъ. Помози намъ на совершение храма твоего пречестнаго сего. Посли помощь свою, владычице, и не посрами насъ рабъ твоих, яко начахомъ созидати и не можемъ совершити без твоея помощи – недоставшу серебра, яже к совершению».

Сѣтующима же има о сребрѣ, вкупе же и молящимася милостивому спасу и пречистой богородицы, и является имъ пречистая царица во снѣ и глаголя: «Что убо в толику печаль и сѣтование възастася о создании церкви моя, любимая мною раба божия? Не презрѣ моления вашего и вѣры и любве. Вскоре убо послу вамъ, яже к совершению, яко и на иную потребу преизбудеть, токмо подщитесь к дѣлу и не оскудѣта вѣрою».

То же видѣние оба брата видѣста и слышаста, воставше от сна радостна быста и надеждею укреплястася.

И в той же день, по отпѣтии утреннемъ, изыдоста оба брата пред враты монастырские, по обычаю напред всѣх. По божию строению и его пречистые богоматере видяще оба брата, не вмечтанно, но явленно, конь велми дивень предстоящъ пред враты монастырскими, обузданъ позлащенной уздою, и седло на немъ исковано златомъ, яздыщаго же на нем не бѣ. Стояще же кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа она к себѣ. Они же дивящеся велми, зряще красоту и величество коня оного. И абие, страхомъ и радостию объята коня оного, приступиста к коню и видят два чомоданьца, – сирѣчь сумочки двѣ – не малы, по обѣ страны седла висяща, полна суща. И дивястася коня оного стоянию и красоте и кротости. И помыслиста – от бога послану ему сущу. Тажде, смѣя и не смѣя, помянувшестя пречистые имя, взяста мешсца она оба с седла. Той же конь не обрѣтеся пред ними.

И начаша, радующася, разрѣшати мешсца, и обрѣтоша во едином злато, и в другомъ сребро, полна суща оба.

Милостию же божиею и пречистые богоматере совершился та церковь и украсился та всякою лѣпотою: и иконами, и подписми, и книгами. Такожде и сель доволно куписта и предаста монастырю, прочее же даша игумену и братии.

Тако же и сама взяста на себе иноческий образ, и пожиста в томъ монастырѣ в постѣ и в молитвах, и в прочих добродѣтелях просияста и богу угодиста. И богъ прослави их добрых ради дѣл ихъ: и взята быста единъ по единому по времени на архиепископский престоль Великого Новаграда и Пскова. Добре пасше порученное стадо, и преставистася къ богу и положена быста в соборней велицей церкви святѣй Софѣи.

А у Благовѣщения в церкви положень бысть архиепископъ Феоктисть: бѣ же ис того монастыря взят на престоль великия церкви святѣй Софѣи, премудрости божиин в пресловущий Великий Новѣградъ.

Перевод

Тот же достославный муж Сергей рассказал о Благовещенском монастыре в Великом Новгороде на Поле, который поставили два родных брата, бывшие потом оба архиепископами Великого Новгорода, а имена их – Григорий и Иоанн.

Были они родными братьями, благородных и благочестивых и богатых родителей дети. Между ними царила любовь, как меж истинными братьями по плоти и духу. И когда они увидели, что по преставлении родителей осталось им большое наследство, то задумали они создать мона-

стырь во имя пречистой богородицы, честного и славного ее Благовещения, ибо питали глубокую веру к пречистой богоматери, владычице нашей богородице и приснодеве Марии. И поставили они церковь деревянную, и основали монастырь, и оградили его, и все что необходимо устроили – и келии, и трапезную; вскоре же после этого надумали построить церковь каменную, и наняли онн мастеров, строящих церкви.

И вот когда начали класть церковь и возвели ее до высоты плеч, то не хватило денег на завершение постройки. И начали братья тужить, не зная, что же им делать. И от охватившей их сильной печали и стыда стали они молиться пречистой богоматери, так говоря:

Молитва: «Ты ведь, владычица, знаешь о вере нашей и любви, которые мы питаем к сыну твоему, и богу нашему, и к тебе. Когда мы со всем усердием и верою решились на дело это, – создание пречестного твоего храма, – то на твою помощь, божия мать, надежду возложили. Помогни нам завершить этот храм твой пречестной. Пошли помощь свою, владычица, и не дай нам опозориться, рабам твоим: начали мы строить и не можем докончить без твоей помощи – не хватило нам денег, чтобы завершить начатое».

И когда сетовали они о деньгах, а вместе с тем и молились милостивому спасу и пречистой богородице, явилась им в сонном видении пречистая царица и сказала: «Зачем же вы в такую печаль и сетование впали из-за создания церкви моей, любимые мною рабы божии? Не отвергну я моления вашего и вашей веры и любви. Скоро пошлю вам требуемое для завершения начатого, так что и на другие нужды с избытком останется, только устремитесь на дело и не ослабевайте в вере». И это видение оба брата видеви и слышав, проснулись в радости и укрепились надеждой.

И в тот же день, после утрени, вышли оба брата за монастырские ворота, как обычно, раньше всех. И вот, по божьему и его пречистой богоматери устройению, увидели братья, – не в видении, а наяву, – коня необычайной красоты, который стоял перед монастырскими воротами; на нем была надета позолоченная узда, а седло на нем – окованное золотом, всадника же на коне не было. Стоял же конь кротко и неподвижно, словно ожидал этих мужей. Они же сильно удивились, видя красоту и величие коня этого. И тотчас, страхом и радостью охваченные, подошли они к коню и увидели два чемоданца, – две сумы немалые, – висевшие по обеим сторонам седла, наполненные доверху. И дивились они тому, как конь стоял, и его красоте и кротости. И подумали они – наверное, послан он от бога. И вот, осмеливаясь и не осмеливаясь, помянув имя пречистой, взяли они с седла обе сумы. И сразу же исчез конь.

И начали они, радуясь, развязывать сумы, и нашли в одной – золото, а в другой – серебро, полные обе.

И, милостью божьей и пречистой богоматери, была построена та церковь и украшена всяческой красотой: и иконами, и фресками, и книгами. А кроме того, несколько сел братья купили и передали их монастырю, а оставшееся богатство отдали игумену и братии.

Потом же и сами они приняли иночество, и жили в том монастыре в посте и в молитвах, и другими добродетелями сияли они, и богу угодили. И бог прославил их ради их добрых дел: по некотором времени, один за другим, были они возведены на архиепископский престол Великого Новгорода и Пскова. И, достойно пася порученное им стадо, преставились к богу, и погребены были в соборной великой церкви святой Софии.

А в Благовещенской церкви погребен был архиепископ Феоктист: был и он из того же монастыря возведен на престол великой церкви святой Софии, премудрости божьей в славном Великом Новгороде.

Наказание отца къ сыну

Это произведение относится к популярному жанру поучений дренерусской литературы. Тексты такого типа, генетически связанные с византийскими сборниками изречений, были широко распространены в средневековой русской литературе начиная с XI века. Особенностью этой подборки афоризмов, включенной в сборник середины XV века, предназначенный для чтения, является ее светская направленность.

Текст

Сыну, егда на рать съ княземъ едеши, то съ храбрыми напред еди, да и роду своему честь наедеш и себѣ добро имя. Что бо того лучши есть, еже пред княземъ умрети! Слугы же, чядо, путныя чти и люби.

Сыну, аще хоцещи великъ быти пред богомъ и челоуѣкы, то смѣрися всѣмъ равно, добротую пред всякымъ челоуѣкомъ, за очи и въ очи. Аще ли кому смѣются, а ты хвали и люби, да от бога приимеши мзду, а от людей – похвалу, а от него – честь.

Конь на брани разумѣет снягу, другу же въ печали добръ другъ пособит. Другу вѣрну нѣсть цѣны от сущиих, ничто же па земли, никое же ставило доброты его.

Друг вѣренъ – покровъ крѣпокъ и утврѣжено царствие; другъ вѣренъ – скровище духовно, другъ вѣренъ – паче злата и камня многоцѣннаго множае; другъ вѣренъ – оградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ, въ время отверзаемъ же и причащаемъ; другъ вѣренъ – пристанище же и утѣтха.

Все новое добро есть, нъ ветхое всего лучши есть и силнѣй.

Иже душа своя не брежет, нъ паче умирающую плоть, то подобень есть тому, иже рабу кормит, а госпожду повержет. Иже земнаго ищет мимо небесных, то подобень есть тому, иже хочет ратая имѣти на стенѣ написана, нъ не на нивѣ оруща.

Мужь мудръ – мудрым и смысльным другъ, а несмысленным – богъ; мужь мудръ, аще и убогъ, имать бо премудрость въ богатства мѣсто; праведных богатство – къ всѣм бога миръ; велико богатство – умъ добръ.

Мужь мудръ, аще и рабъ и нищъ, имѣя страх божий, лучи царя; имуще богатства многа – без ума не имуще страха божиа, оногo съмыслом поучаяся закону божию – спасение получит, се же, не имуще страха божиа, – спасения отпадет.

Богат мужь, не наказанъ и не смыслень, подобень есть ослу, златою уздою обузданъ. Суть же убозии человеци и богобоязьнивии потребнѣйши суть.

Подобно есть скупых и сребролюбивых житие мертваго вечери: вся бо имать плачуща, а веселящегося не имать.

Горбоватаго горѣе есть грѣшникъ: онъ бо за собою носит вред, а сий – въ себѣ.

Лѣнивый горѣе есть болнаго: болный бо аще лежит да не ясть, а онъ и лежит и ясть.

Скупаго домъ, яко облачна ночь, крыющи звѣзды и свѣтъ от очию многих. Затъчена корчага – ти мльчаливъ мужь: не извѣстно, имать ли что въ себѣ. Часто поминай бога: да рѣдко поминаа – помышляеши и поминаеши грѣховныя мысли.

Посупляй долу лице от неподобных гляданий, и егда ти прогоняет око душевное на вѣчнаа.

Ни влькъ влька губит, ни змиа змии потрѣбит, нъ чловѣкъ чловѣка погубит.

Точно мертвеца цѣлити, а стараго наказати; старость и нищета – два струпа неудобь исцѣлна.

Затишие – кораблю пристанище, житию же чловѣчю – беспечалие: бес печали имать веселие.

Чловѣче, аще не вѣси, како спастися, ни книгъ умѣеши, еже ти себѣ не любо, того и другу не твори, спасешися.

Перевод

Сын мой, когда на рать с князем едешь, то ездй с храбрыми впереди – и роду своему честь добудешь, и себе доброе имя. Что может лучше быть, если перед князем умереть доведется! Слуг же твоих, сопровождающих тебя в пути, чадо, почитай и люби.

Сын мой, если хочешь достичь многого в глазах бога и людей, то будь ко всем почтителен и добр ко всякому человеку, и за глаза и в глаза. Если над кем-нибудь смеются, ты похвали его и полюби, и от бога получишь вознаграждение, и от людей похвалу, и от защищенного тобой – почитание.

Конь познается на поле боя, другу же в беде добрый друг поможет. Верному другу цены нет, ничто на земле не может сравниться с дружбой его.

Друг верный – защита надежная и царство укрепленное; друг верный – сокровище духовное; друг верный – дорожка золота и камня драгоценного; друг верный – ограда запертая, источник укрытый, в нужное время можно открыть и напиться; друг верный – прибежище и утешение.

Все новое хорошо, но старое – всего лучше и крепче.

Тот, кто о душе своей не заботится, а только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего.

Мудрый муж – мудрым и разумным друг, а друг убогим людям – бог; муж мудрый, если и беден, то премудростью владеет вместо богатства; богатство праведников – мир бога ко всем людям; великое богатство – хороший разум.

Мудрый муж, имеющий страх божий, даже если он раб и нищий, – лучше царя. Тот же, у кого богатства много, но страха божия нет – тот без ума, но если старается постичь закон божий, – спасение получит; тот же, кто не имеет страха божия, – спасения будет лишен.

Богатый муж, истине не наученный и не разумный, подобен ослу, взнузданному золотой уздой. Бедные и богобоязненные – лучше их.

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминальной трапезе: все вокруг плачут и нет веселящегося.

Грешник хуже горбатого: горбатый за собой носит уродство, а этот – в себе. Ленивый хуже больного: больной хоть и лежит, да не ест, а ленивый – и лежит, и ест.

Скупого дом – как облачная ночь, закрывающая звезды и свет от очей многих.

Молчаливый муж подобен закрытой корчаге: не известно, имеет ли что внутри.

Часто поминай бога: если же редко поминаешь – то думаешь и вспоминаешь о греховном.

Потупляй взор свой долу от нечистых взглядов, и тогда тебя направит око духовное на мысли о вечном.

Волк волка не губит, змея змею не ест, а человек человека погубит.

Старого учить – словно мертвого лечить, старость и нищета – две язвы незаживающие.

Кораблю пристанище – гавань, жизни же человеческой – беспечалие, без печали весело жить.

Человече, если ты не знаешь, как спастись и книг не умеешь читать, то не делай другому того, что самому не любо, и спасешься.

Заметка о Риме

Во время пребывания в Италии неизвестный автор «Хождения на Флорентийский собор» вместе с несколькими членами русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор посетил Рим и в короткой записке изложил впечатления о нем. Несмотря на краткость, в ней сообщается ряд сведений о географическом положении Рима, его религиозных и архитектурных достопримечательностях. Очень интересно замечание автора о запустении Рима. «Заметка о Риме» является первым в русской литературе описанием «вечного города».

Текст

До града Ферары путь писанъ напреди. А от Ферары града до Рима великаго града 50 миль. А Римъ великий град стоить на рѣцѣ на Тиверѣ за 12 миль до моря. А около града 30 миль 2 мили. А ездили есмь около града два дни на конехъ. Стоит же межи горами. А церкви святаго апостола Петра внутри града. А мера ея в долину ступеней великих 105, а поперекъ полсемадесять. А мощи святых апостоль Петра и Павла лежат в церквах, разделиль их святой папа Силивестръ, половина в Петрѣ святѣмъ и половина в Павлѣ святѣмъ, а главы ихъ лежат въ церкви святаго Ивана Предтечи. И тамо святой царь Коньстянтинъ крестилься, и крестилница его мраморъ зеленъ. Да были есмь на мѣстѣ, кдѣ усѣкнули главу святому апостолу Павлу, ту три кладязи: коли стяли главу, и она прынула трижды, и с тѣх мѣсть истѣкають три кладязи прудко велми, и вода их пити сладка велми и студена. А мечем тѣм знаменахомся, котрым его усѣкнули, и воду ту святую пихом. От града же до церкви святаго апостола Павла 2 мили. А мѣра церкви той – ступеней великих 130, а поперекъ 70. Церкви же в нем были велми велицы и позлащенны верхи и полаты чюдны. И то все порушилося, запустѣния ради. Видѣхом же и домъ царевъ и домъ Еуфимиановъ великъ велми. А иного не писахом.

Перевод

Путь до города Феррары описан впереди. А от города Феррары до великого города Рима пятьдесят миль. Великий же город Рим стоит на реке на Тибре в двенадцати милях от моря. Расстояние по окружности города составляет тридцать две мили. Объезжали мы его на конях в течение двух дней. Стоит же Рим между горами. А внутри города находится церковь святого апостола Петра, размер ее составляет в длину сто пять шагов и в ширину – тридцать пять. Мощи святых апостолов Петра и Павла лежат в церквах, разделил их святой папа Сильвестр, – половина мощей находится в церкви святого Петра, а половина – в церкви святого Павла, а головы обоих апостолов лежат в церкви Иоанна Предтечи. В этой церкви крестился святой император Константин, и в ней хранится его крестильница из зеленого мрамора. Были мы также на месте, где отсекли голову святому апостолу Павлу, – там имеются три родника; когда отсекли голову, она трижды прынула, и в земле в тех местах, которых голова коснулась, образовались три быстро текущих родника с очень вкусной и холодной водой. Мы осенили себя мечом, которым отсекли голову апостолу Павлу, и пили из родников ту святую воду. От города до церкви святого Павла две мили. Размер этой церкви – сто тридцать шагов в длину и семьдесят – в ширину. Церкви же в Риме раньше были очень большие и с позолоченными крышами, и дома также были замечательные, но разрушились из-за запустения города. Видели мы также императорский дворец и дом Евфимиана очень большой. А о другом виденном мы не написали.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным

Переписка князя Андрея Михайловича Курбского с царем Иваном Грозным принадлежит к числу самых известных памятников древнерусской литературы. Послания обоих политических противников были написаны с конкретными публицистическими целями. Всего известно два послания Ивана Грозного Курбскому и три послания Курбского царю.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО ИВАНУ ГРОЗНОМУ

Второе послание Андрея Курбского Ивану Грозному было написано в ответ на Первое царское послание от 5 июля 1564 года. Это послание не имеет точной датировки. В рукописной традиции сохранилось только в составе так называемых «Сборников Курбского». Сведений о том, что оно пошло к адресату, нет.

Текст

Широковещательное и многошумящее твое писание приях и выразишь, и познахъ, иже от неукротимаго гнѣва со ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, так великому и во вселенной славному, но и простому, убогому воину сие было не достойно, а наипаче такъ ото многихъ священныхъ словесъ хва-тано, исте со многою яростию и люто-стию, не строками, а ни стихами, яко есть обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случиться кому будетъ писати, в краткихъ словесѣхъ многой разумъ замыкающе, но зѣло паче мѣры преизлишно извягливо, цѣлыми книгами, паремьями, цѣлыми посланьми! Туту же о постеляхъ, о телогрѣяхъ и иные бесчисленные, воистинну яко бы неистовыхъ бабъ басни, и такъ варварско, яко не токмо ученнымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ и дѣтемъ со удивлениемъ и смѣхомъ, наипаче же в чуждую землю, идѣ же нѣкоторые человецы обрѣтаются, не токмо в грамматическихъ и риторическихъ, но и в диалектическихъ и философскихъ ученые.

Но еще к тому и ко мнѣ, человеку, смирившемуся уже до зела, в странстве, много оскорбленному и без правды изгнанному, аще и многогрѣшному, но очи сердечные и языкъ не неученный имущу, такъ претительне и многошумяще, прежде суда божия, претити и грозити! И вмѣсто утешения, во скорбехъ мнозехъ бывшему, аки забыв и отступивши пророка: «Не оскорбляй, – рече, – мужа в бедѣ его, довольно бо таковому», яко твое величество меня неповиннаго, во странстве таковыми, во утешения мѣсто, посѣщаешь. Да будетъ о семъ богъ тобѣ судьей. И сице грысти кусательне за очи неповиннаго мя мужа ото юности нѣкогда бывшаго вѣрнаго слугу твоего! Не вѣрю, иже бы сие было богу угодно.

И уже не разумѣю, чего уже у насъ хочещи. Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомыхъ от роду великого Владимера, различными смертми поморилъ еси, и движимые стяжания и недвижимые, чего еще былъ дѣд твой и отецъ не разграбилъ, но и послѣднихъ срачиць, могу рещи со дерзновениемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ. А хотѣхъ на каждое слово твое отписати, о царю, и мог бы избранне, понеже за благодатию Христа моего и языкъ маю аттически по силе моей наказан, аще уже и во старости моей здѣ приучихся сему; но удержавъ руку со тростию сего ради, яко и в прежнемъ посланию моемъ написавъ ти, возлагаючи все сие на божий суд: и умыслихъ и лучше разсудихъ здѣ в молчанию пребыти, а тамо глаголати предъ маестатомъ Христа моего со дерзновениемъ вкупе со всѣми избивенными и гонимыми от тебя, яко и Соломанъ рече: «Тогда, – рече, – стануть праведнии предъ лицомъ мучащихъ», тогда, егда Христосъ придетъ судити, и возглаголють со многимъ дерзновениемъ со мучащими

или обидящими их, идѣ же, яко и самъ вѣси, не будетъ лица пріятія на судѣ ономъ, но кождому человеку правость сердечная и лукавство изъявляемо будетъ, вмѣсто же свидѣтелей самаго кождаго свойственно совести вопиющей и свидѣтельствующей. А к тому еще и то, иже не достоит мужемъ рыцарскимъ сваритися, аки рабамъ, паче же и зѣло срамно намъ, христіяномъ, отрыг эти глаголы изо устъ нечистые и кусательные, яко многажды рѣхъ и прежде. Лучше умыслих возложити упование мое на всемогущаго бога, в трех лицах славимаго и поклоняемаго, ибо он есть свидѣтель на мою душу, иже не чюю ся пред тобою винен в ничесом же. А сего ради пождемъ мало, понеже вѣрую, иже близ, на самомъ прагу преддверію надежды нашия христіянскія господа бога, спаса нашего Иисуса Христа пришествіе. Аминь.

Перевод

Широковещательное и многошумное послание твое получил и понял и уразумел, что оно от неукротимаго гнева с ядовитыми словами изрыгнуто, таковое бы не только царю, столь великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину не подобало, а особенно потому, что из многих священных книг нахватаю, как видно, со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае у людей искусных и ученых, когда случается им кому-либо писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами, пареміями, целыми посланіями! Тут же и о постелях, и о шубейках, и иное многое – поистине словно вздорных баб рассказы, и так все невежественно, что не только ученым и знающим мужам, но и простым и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию.

И еще к тому же меня, человека, уже совсем смирившегося, скитальца, жестоко оскорбленного и несправедливо изгнанного, хотя и многогрешного, но имеющего чуткое сердце и в письме искусного, так осудительно и так шумливо, не дожидаясь суда божьего, порицать и так мне грозить! И вместо того чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: «Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему», твое величество меня, неповинного изгнанника, такими словами, вместо утешения, осыпаешь. Да будет за это бог тебе судьей. И так жестоко грызть за глаза ни в чем не повинного мужа, с юных лет бывшего верным слугой твоим! Не поверю, что это было бы угодно богу.

И уж не знаю, чего ты от меня хочешь. Уже не только единоплеменных княжат, восходящих к роду великого Владимира, различными смертями погубил, и богатство их, движимое и недвижимое, чего не разграбили еще дед твой и отец твой, до последних рубах отнял, и могу сказать с дерзостью, евангельскими словами, твоему прегордому царскому величеству ни в чем не воспрепятствовали. А хотел, царь, ответить на каждое твое слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своих слогом древних, уже на старости здесь обучился ему; но удержал руку свою с пером, потому что, как и в прежнем своем послании писал тебе, возлагаю все на божий суд; и размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными, как и Соломон говорит: «Тогда, дескать, предстанут праведники перед лицом мучителей своих», тогда, когда Христос придет судить, и станут смело обличать мучивших и оскорблявших их, и, как и сам знаешь, не будет лицепрятия на суде том, но каждому человеку прямодушие его или коварство предъявлены будут, а вместо свидетелей собственная совесть каждого провозгласит и засвидетельствует истину. А кроме того, скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чем я тебе не раз говорил и раньше. Лучше, подумал я, возложить надежду свою на всемогущего бога, в трех лицах прославляемого и чтимого, ибо ему открыта моя душа и видит он, что чувствую я себя ни в чем перед тобой не виновным. А посему подождем немного, так как верую, что мы с тобою близко, у самого порога ожидаем пришествия надежды нашей христианской – господа бога, спаса нашего, Иисуса Христа. Аминь.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО КУРБСКОМУ

Второе послание царя Курбскому написано в 1577 году – через 13 лет после Первого послания. Послание было написано после удачных походов царя (к сентябрю 1577 года вся Ливония, за исключением Ревеля и Риги, была в руках Грозного).

Текст

Всемогущие и вседержительные десница дланию содержащаго всея земли конца господа бога и спаса нашего Исуса Христа, иже со Отцемъ и святымъ Духомъ во единстве покланяема и славима, милостию своею благоволи намъ удержати скифетры Росийского царьствия, смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ, и от его вседержавныя десница христонсныя хоругви сице пишемъ мы, великий государь, царь и великий

князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, Владимирский, Московъский, Новгородский, царь Казанский и царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверьский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Бѣлозерский и государь отчинные и обладатель земли Лифляндския Неметцкого чину, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския земли и Севѣрные страны повелитель – бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичю Курбьскому.

Воспоминаю ти, княже, со смириемъ: смотри божия смотра величества, еже о нашихъ согрешенияхъ, паче же о моемъ беззаконии, ждый моего обращения, иже паче Монасия беззаконвахъ, кромѣ отступления. И не отчеваюся создателя милосердия, во еже спасену быти ми, яко же рече во святомъ своемъ Евангелии, яко радуется о единомъ грѣшнике кающемся, нежели о девяносты и девяти праведникъ; тако жъ о овцахъ и о драгмахъ притчи. Аще бо и паче числа песка морскаго беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия божия – может причиною милости своея потопити беззакония моя. Яко же ныне грѣшника мя суша, и блудника, и мучителя, помилова и животворящимъ своимъ крестомъ Амалика и Максентия низложи. Крестоносной проходящий хоругвии и никакая жъ бранная хитрость непотребна бысть, яко жъ нѣ единая Русь, но и немцы, и литва, и татарове, и многия языцы сведять. Самъ прося ихъ, увѣдай, имъ же имя исписати не хочу, понеже не моя побѣда, но божия. Тебѣ жъ о многихъ мало вспомяну; вся бо досады, яже писалъ еси ко мнѣ, преже сего восписахъ ти о всемъ подлинно; ныне жъ от многа мало вспомянати. Вспомяни убо реченное во Иове: «Обшедь землю и прохожю поднебѣсную», тако и вы хотесте с попомъ Селиверстомъ и с Олѣксѣемъ с Адашевымъ и со всеми своими семьями под ногами своими всю Рускую землю видѣти; богъ же даетъ власть ему жъ хощеть.

Писалъ еси, что язъ разтлѣн разумомъ, яко жъ ни въ языцехъ имянуемо. И я таки тебя, судию, и поставлю с собою: вы ли разтлѣнны, или язъ, что язъ хотель вами владѣти, а вы не хотели под моею властью быти, и язъ за то на вас опалался? Или вы разтлѣнны, что не токмо похотѣсть повинными мнѣ быти и послушными, но и мною владѣсте, и всю власть с меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а с меня есте государство сняли: словомъ язъ былъ государь, а деломъ ничево не владель. Колики напасти язъ от васъ приялъ, колики оскорбления, колики досады и укоризны! И за что? Что моя пред вами исперва вина? Ково чемъ оскорбихъ? То ли моя вина, что Прозоровского польтораста четъе

Федора сына дороже? Попамятуй и посуду: с какою есть укоризною ко мне судили Сицково с Прозоровски-ми, и какъ обыскавали, кабы злодея! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровские каковы перед нами? Ино то уж мы в ногу ихъ не судны. А у батюшка, да божиимъ милосердиемъ и пречистые богородицы милостию, и великихъ чудотворцовъ молитвою, и Сергиевою милостию, и батюшковымъ благословениемъ, и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лутче? Ево дочеремъ всякое узорочье покупай, и благословно и здорово, а моимъ дочеремъ – проклято да за упокой. Да много того, что мне от васъ бѣдъ, всего того не исписати.

А и з женою про что разлучили? Толко бы вы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было. А будетъ молвишь, что язъ о томъ не терпѣль и чистоты не сохранилъ, – ино вси есмы человекы. Ты чево для поняль стрелетцкую жену? Толко б есте на меня с попомъ не стали, ино б того ничево не было: все то учинилося от вашего самовольства. А князя Володимера на царство чего для естя хотѣли посадити, а меня з детми извѣсть? Язъ восхищеньемъ ли, или ратью, или кровью сѣль на государство? Народился есми божиимъ изволениемъ на царьстве, и не мню того, какъ меня батюшка пожаловаль благословиль государствомъ, да и взросъ есми на государстве.

Перевод

Всемогущей и вседержительной десницей господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, держащего в своей длани все концы земли, которому поклоняемся и кого славим вместе с Отцом и святым Духом, милостью своей позволил нам, смиренным и недостойным рабам своим, удержать скипетр Российского царства от его вседержительной десницы христовосной хоругви, так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и отчинный государь и обладатель земли Лифляндской Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель – бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манассии, хотя я не отступил от веры, терпеливо божье величество, веря

в мое покаяние. И не сомневаюсь в милосердии создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках; то же говорится и о притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия божьего – может господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия. А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам спроси у них и узнаешь, я же не хочу перечислять эти победы, ибо не мои они, а божьи. Тебе же напомню лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже со всей истиной ответил; теперь же напомню немного из многого. Вспомни сказанное в Книге Иова: «Обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя самого судьей между мной и тобой: вы ли растленны разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моей властью, и я за то разгневался на вас? Или растленны вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня отстранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел. Сколько напастей я от вас перенес, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Кого и чем я оскорбил? Это ли моя вина, что полтора ста четей Прозоровского вам были дороже моего сына Федора? Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже наших жизней? И что такое сами Прозоровские рядом с нами?.. Божиим милосердием, милостью пречистой богородицы, и молитвой великих чудотворцев, и милостью святого Сергия у моего батюшки и с батюшкиного благословения у меня была не одна сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения, это благословенно и хорошо, а моим дочерям – проклято и за упокой Много таких было мне от вас бед – не исписать.

А с женою моею зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я

после этого не стерпел и не соблюл чистоты – так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По божьему изволению с рождения был я предназначен к царству: и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство; на царском престоле и вырос.

Послание Василию Грязному

Послание Ивана Грозного воеводе, опричнику Василию Грязному отражает разочарование Грозного в учрежденной им в 1564 г. опричнине. Как и другой видный опричник, Малюта Скуратов, Василий Грязный был послан с опасным военным поручением. Он попал в крымский плен

Текст

Что писалъ еси, что по грехомъ взяли тебя в полонъ; ино было, Васюшка, без путя среди крымскихъ улусовъ не заѣзжати, а уж заѣхано, ино было не по объѣзному спати; ты чаялъ, что в объѣздъ приѣхалъ с собаками за зайцы, ажно крымцы самого тебя в торокъ ввязали. Али ты чаялъ, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньемъ шутити? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ, дрочонъ, умѣютъ ловити, да такъ не говорятъ, дошодши до чюжей земли: да пора домовъ! Толко б таковы крымцы были, какъ вы, жонки, – ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.

А что сказываешься великой человекъ – ино что по грехомъ моимъ учинилось и намъ того какъ утаити, что отца нашего и наши князи и бояре намъ учили изменяти, и мы и васъ, страдниковъ, приближали, хотячи от васъ службы и правды. А помянулъ бы ти свое величество и отца своего в Олексине – ино таковы и в станицахъ ѣзживали, а ты в станице у Пѣниньского былъ мало что не в охотникехъ с собаками, и прежние твои были у ростовьскихъ владыкъ служили. И мы того не запираемъся, что ты у насъ в приближенъе былъ. И мы для приближенъя твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ, а доселева такие по пятидесять рублевъ бывали; а ста тысячъ опричь государей ни на комъ окупу не емлють, а опричь государей такихъ окуповъ ни на комъ не даютъ. А коли бы ты сказывалъся молодой человекъ – ино б на тебѣ Дивѣя не просили. А Дивѣя, сказываетъ царь, что онъ молодой человекъ, а ста тысячъ рублевъ не хочетъ на тебѣ мимо Дивѣя: Дивѣй ему ста тысячъ рублевъ лутчи, а за сына за Дивѣева дочь свою даль; а нагайской князь и мурзы ему всѣ братья; у

Дивѣя и своихъ такихъ полно было, какъ ты, Вася. Опречь было князя Семена Пункова нѣ на кого меняти Дивѣя; ано и князя Михаила Васильевича Глинъского нѣчто для присвоенья меняти было; а то в нынешнее время нѣково на Дивѣя меняти. Тебѣ, вышедчи ис полону, столко не привести татаръ, ни поимать, сколко Дивѣй кристьян пленить. И тебя, ведь, на Дивѣя выменити не для кристьянства – на кристьянство: ты одинъ свободень будешь, да приѣхавъ по своему увѣчью лежать станешь, а Дивѣй приѣхавъ учнетъ воевати, да неколко сотъ кристьянъ лутчи тебя пленить. Что в томъ будетъ прибытокъ?

Коли еси сулилъ мену не по себѣ и писалъ, и что не в мѣру, и то какъ дати? То кристьянству не пособити – разорить кристьянство, что неподобною мѣрою здѣлать. А что будетъ по твоей мѣре мена или окупъ, и мы тебя тѣмъ пожалуемъ. А будетъ станишь за гордость на кристьянство – ино Христось тебѣ противникъ!

Перевод

Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути среди крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, не надо было спать, как при охотничьей поездке: ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: пора домой! Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве.

Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине – такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали; а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком – за тебя бы в обмен Дивея не просили. Про Дивея хоть царь и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста тысячи рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а ногайский князь и мурзы все ему братья; у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася.

Кроме как на князя Семена Пункова, не на кого было менять Дивея; разве что, если бы надо было доставать князя Михайла Васильевича Глинского, можно было его выменять; а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству – во вред христианству: ты один свободен будешь, да, приехав, лежать станешь из-за своего увечия, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза? Если ты обещал не по себе и ценил себя выше меры, как же можно столько дать? Мерить такой неправильной мерой – значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства, то Христос тебе противник!

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков

Повесть о героической обороне Пскова, во многом определившей исход Ливонской войны была написана по горячим следам событий, в 80-е годы XVI века, жителем города Пскова, иконописцем Василием. Непосредственность впечатлений, точность и полнота знаний обо всем, что происходило в Пскове, свидетельствуют, что Василий был очевидцем и участником обороны, возможно, был близок к И.П. Шуйскому, главному герою обороны, и имел доступ к документам из его канцелярии. Это произведение по своим идеям и эстетическим достоинствам относится к числу лучших памятников древнерусской литературы на воинскую тему. Манера повествования Василия риторична, витиевата. Ему, как и многим другим авторам того времени, свойственна любовь к сложным словам, замысловатым выражениям, повторам слов с одним корнем, длинным предложениям с множеством однородных членов, причастных и деепричастных оборотов, что придает стилистическому строю повести тяжеловатую торжественность.

Текст

Мартирей игумень, знаем же бѣ он во Пскове всѣм. Сим же предпомянутым черноризцы плодцким рожением дѣти боярские, и егда бѣху они в мире, такоже искусни воины. Сего ради бого-мудрено и вѣры ради и честных своих молитвъ, егда прибежавше къ проломному мѣсту, идѣже кровопролитное торжество свершися обоих стран, великими гласы государевым бояром и воиводам и всему христианскому воинству, яко же преже рекохом, яко от лица святых иконъ милости рекоша: «Не

убойтеса, станем крѣпко, устремимся вкупе на литовскую силу, богородица бо к нам идет с милостию и заступлением и со всѣми святыми на помощь вкупе же».

Такоже сия гласы слышав государевы бояре и воиводы и все христьянское воинство, яко богородица идет со всѣми святыми на помощь, вкупе же с сими слухи богородицы милостию осение и помощь на все православное христьянство приде; и немощных сердца адаманта крѣплее утвердишеса, и всѣ вкупе вооружившася. Такоже во едино сердце вси богородицы милость приемше и сее помощию вооруживше, яко единеми усты богородицу на помощь призывающе. И во единъ глас крикнувше государевы бояре и воиводы с ними же и предпомянутыя чернцы и все христьянское воинство, рекуще: «Днесь, о друзи, умрем вкупе за христову вѣру и за православнаго государя нашего и царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси от литовских рукъ, а не предадим государя нашего града Пскова польскому королю Степану». Такоже великого заступника псковскаго, князя Гаврила-Всеволода, с ним же и князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого, в сердцах своих на помощь приимши, и все воинство христьянское вкупе снемшеса, устремшася на литовскую силу на стены града, на проломное мѣсто. И тако божиею милостию и пречистей богородицы молением и заступлением и великих святых чудотворцовъ с проломнаго мѣста литовскую силу збиша; благодатию христовою, идѣ же литовские ноги на псковской стенѣ стояху, паки на тѣх мѣстех христьянская сила утвердишася, и за градом с литвою со стены бьющеса и з достальными еще в Покровской башни оставшимися.

Того же часу, егда христьянское одоление над литвою показа богъ и с проломнаго мѣста литовских людей, рохмистовъ и з гайдуки збиша, тогда и та благодать Христова не утаися по всему тому граду Пскову оставшимся женам. И промчеса слово то во весь град Псков, яко: «Всѣх литовских людей богъ пособил з города збити и прибити, а вам, оставшимся женам, велено по литовской наряд итти и останокъ литвы побивати, от пролома скопяся».

Перевод

Мартирий игумен, и этот был известен в Пскове всем. Эти упомянутые выше монахи, по плотскому рождению – дети боярские, когда жили в миру, то были искусными воинами. Потому, умудренные богом благодаря вере и честным своим молитвам, они, прибежав к проломному месту, где совершалось для обеих сторон кровопролитное торжество, громкими голо-сами государевым боярам и воеводам и всему христианскому

воинству милость возвестили, будто от имени святых икон (как я уже прежде сказал): «Не бойтесь, станем крепко и устремимся все вместе на литовскую силу! Богородица с милостью и защитой идет к нам на помощь со всеми святыми»

И услышали государевы бояре и воеводы и все христианское воинство эти слова, что богородица со всеми святыми идет на помощь, и одновременно с этой вестью осенила богородица все православное христианство своей милостью и помощью; и сердца немощных окрепли и стали тверже алмаза, и все вместе приготовились к подвигу. Тогда все, единым сердцем восприяв богородицы милость и ее помощью вооружившись, едиными устами богородицу на помощь призвали, и государевы бояре и воеводы, с ними же упомянутые выше монахи и все воинство христианское, в один голос вскричали: «Сегодня, друзья, за христианскую веру и за православного государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси умрем все вместе от руки литовцев, но не отдадим государя нашего града Пскова польскому королю Стефану!» Также великого заступника псковского, князя Гавриила-Всеволода, с ним же князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, в сердцах своих призвав на помощь, все христианское воинство в едином порыве устремилось на литовскую силу, на стены города, на проломное место. И так божьей милостью, молитвою и заступничеством пречистой богородицы и великих святых чудотворцев сбили литовскую силу с проломного места, и по благодати христовой там, где на псковской стене стояли литовские ноги, в тех местах вновь христианские воины утвердились и со стены били литву уже за городом и добивали оставшихся еще в Покровской башне.

В то время, когда по предначертанию бога одолели христиане литву и сбили литовских воинов, ротмистров и гайдуков с проломного места, тогда благодать Христова не утаилась от всех оставшихся в граде Пскове жен. И по всему граду Пскову промчалась весть: «Всех литовских людей бог помог с городскон стены сбить и перебить, а вам, оставшимся женам, велено, собравшись у пролома, идти за литовскими орудиями и оставшуюся литву добивать».

Домострой

«Домострой» был создан как синтез нескольких жанров в эпоху становления русской государственности, в первой половине царствования Ивана IV Грозного. По-видимому, этому предшествовал длительный период складывания текста на основе разных источников, в том числе и

связанных с византийской традицией; сказалось в нем и влияние деловых и хозяйственных сочинений XV века. Авторство окончательного текста связывается с именем известного сподвижника Ивана IV, его духовного наставника, – Сильвестра. Сильвестр (начало XIV века – до 1568 г.) участвовал в подготовке и проведении государственных и культурных реформ того времени, в том числе в составлении и редактировании таких важных памятников, как Судебник 1550 г. и Четьи-Минеи. Три основные части «Домостроя» излагают правила общежития в отношении «духовного строения» (религиозные наставления, главы 1–15), «мирского строения» (о семейных отношениях, главы 16–29) и «домовного строения» (хозяйственные рекомендации, главы 30–63)

Текст

КАКО ХРИСТИАНОМ ВЪРОВАТИ ВА СВЯТУЮ ТРОИЦУ
И ПРЕЧИСТУЮ БОГОРОДИЦУ И КРЕСТУ ХРИСТОВУ,
И СВЯТЫМ НЕБЕСНЫМ БЕСПЛОТНЫМ СИЛАМ, И ВСЪМ СВЯТЫМ,
И ЧЕСТНЫМ И СВЯТЫМ МОЩЕМ И ПОКЛОНЯТИСЬ ИМ

Подобает убо всякому християнину вѣдати, како по бозѣ жити в православной вѣре християнстей первое убо от всея души вѣровати во Отца и Сына и святаго Духа – в нераздѣльную Троицу, и воплощению господа нашего Исуса Христа, сына божия, вѣруй и рождьшую его мать Богородицу нарицай, кресту же христову с вѣрою поклоняйся, яко на том всѣмъ человекомъ спасение содѣла господь. И понеже иконе же Христове и пречистой матери его и святымъ небеснымъ бесплотнымъ силамъ и всѣмъ святымъ честь воздай, яко самъ любов.

Перевод

КАК ХРИСТИАНАМ ВЕРОВАТЬ ВО СВЯТУЮ ТРОИЦУ,
И ПРЕЧИСТУЮ БОГОРОДИЦУ, И В КРЕСТ ХРИСТОВ,
И СВЯТЫМ НЕБЕСНЫМ БЕСПЛОТНЫМ СИЛАМ, И ВСЕМ СВЯТЫМ,
И ЧЕСТНЫМ И СВЯТЫМ МОЩАМ, И КАК ПОКЛОНЯТЬСЯ ИМ

Каждому христианину следует знать, как по-божески жить в православной вере христианской: прежде всего всею душой верить в Отца и Сына и святого Духа – в нераздельную Троицу, в воплощение господа нашего Иисуса Христа, сына божия, веруй, называй Богородицей мать, его родившую, и кресту христову с верою поклоняйся, ибо этим всем принес господь людям спасение. И всегда иконе Христа, и его пречистой матери, и святымъ небеснымъ бесплотнымъ силамъ, и всемъ святымъ честь воздай, ибо сам он – любовь.

Текст

КАКО ТАЙНАМЪ БОЖИИМЪ ПРИЧАЩАТИСЯ И ВЪРОВАТИ ВОСКРЕСЕНИЮ МЕРТВЫХЪ, И СТРАШНАГО СУДА ЧАЯТИ И КАСАТИСЯ ВСЯКОЙ СВЯТЫНИ

Тагінамъ божиимъ вѣруй, тѣлу его, крови вѣруй причащатися и со страхомъ, на очищение и освящение души же и тѣлу и во оставление грѣхомъ и в жизнь вѣчную, вѣруй воскресению мертвымъ и жизни будущаго вѣка, помяни Страшный судъ, и воздаяние по дѣломъ будетъ намъ. Аще когда приочистив себе духовно, в чистой совѣсти с молитвою и с молениемъ цѣловати животворящий крестъ и святыи честныи образы чудотворные много-цѣлебныя мощи, по молении прекрестяся поцеловати, духъ в себѣ удержавъ, а губъ не разѣваючи. А благоволить богъ кому причаститися божественныхъ христовыхъ тайнъ, ино лжицею от иерея приимати во уста опасно, губами не сверкати, руцѣ имети к персемъ согбени крестаобразно, а дора и просфира и всякая святая вкушати бережно, крохи на землю не уронити, а зубами просфиры не кусати, яко же прочии, хлѣбъ уломываючи, невелики кусочки класти в рот, ести губами и ртомъ, не чавкати, со опасениемъ ести, а просфиры с вологою не ести, токмо воды прихлебывати или укропу с виномъ служенымъ или без вина, а иного ничего не примешати. Преже всякия ествы свершати просфира в церкви или в дому, а и с кутьею никако же просфиры не ести, ни с кануномъ, и на кутью просвиры не класти, аще с кѣмъ о Христѣ цѣлование сотворити, такоже духъ в себѣ удержавъ поцѣловатися, а губами не плюскати, поразсуди человеческия немощи, нечювьственаго духа гнушаемъ чесночного, хмелного, болного и всякого смрада, коль мерско господеву нашъ смрадъ, и обоняние – сего ради со опасениемъ творити.

Перевод

КАК ТАЙНАМ БОЖИИМ ПРИЧАЩАТЬСЯ, И ВЕРОВАТЬ В ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ, И СТРАШНОГО СУДА ОЖИДАТЬ, И ПРИКАСАТЬСЯ КО ВСЯКОЙ СВЯТЫНЕ

В тайны божии веруй, в тело его и в кровь веруй, им причащайся со страхом для очищения и освящения души и тела, ради оставления грехов, и в жизнь вечную веруй, веруй в воскресение из мертвых и в загробную жизнь, поминай Страшный суд, и воздаяние по нашим делам будет нам. И когда приготовишь себя духовно, с чистой совестью, и с молитвою, и с мольбой целуй животворящий крест, и святыи честныи иконы чудотворные, и многоцелебные мощи; а после молитвы, перекрестяся, целуй их, воздух в себе удержав и рта не разевая. А коли благоволит гос-

подъ причаститься божественных христовых тайн, то ложечкой от священника принимай в уста осторожно: губами не чмокать, а руки сложить у груди крестом, а дору и просвиру и все священное вкушать бережно и крошки на землю не ронять, просвиру зубами не кусать, как иные – хлеб, отламывая, маленькие кусочки класть в рот, жевать губами и ртом, не чавкать – с осторожностью есть; и просвиры с приправой не есть, только воды прихлебнуть или теплой воды с вином церковным или без вина, и ничего не примешивать. Прежде всяких кушаний готовить просвиры в церкви или в доме, никогда просвиры не есть ни с кутьей, ни с кануном, и на кутью просвиры не класть; и если с кем во Христе целованье творишь, то целуйся, также воздух в себе задержав, губами не чмокая; сам подумай: человеческой немощи, едва заметного запаха гнушаемся чесночного, смрада от хмельного, больного и прочего, так как же мерзок господу наш смрад и его проявление – вот почему с осторожностью совершай все это.

Текст

КАКО В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТИСЯ, ЧИСТОТА ХРАНИТИ И ЗЛА НЕ ТВОРИТИ

А в церкви стояти на всякомъ пѣнии со страхомъ и с молчаниемъ молитися. А дома всегда павечерница и полунощница, и часы пѣти. А кто прибавит правила своего ради спасения, ино то на его воли, ино боле мзда от бога. А женамъ ходити к церкви божии какъ вѣмѣстимо на произволение по совѣту с мужемъ, а в цѣркви ни с кѣмъ не бѣседовати, с молчаниемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руцѣ согбѣни к персемъ крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхом и трепѣтомъ, и со воздыханиемъ, и со слезами, и до отпѣния из церкви не исходити, а приити к началу. А неделя и праздники господския и среду, и пятокъ, и святой постъ, и богородичень в чистотѣ пребывати, а от объядения и пиянства, и от пустошныхъ бесѣд и смѣхотворения неподобнаго всѣгда беречися, и от татбы, и от блуда, и лжи, и клеветы, и зави-сти, и всякаго неправеднаго собрания, и ростовъ, и корчмы, и мыта, и перевозовъ, и мостовщинъ, и всякаго лукавства не любити и не гнѣватися ни на кого Ранного пития и ядения и позного послѣ пѣния отнюд не творити, есть бы и пить в славу Божию, и в подобно время, малымъ дѣтемъ и работнымъ по разсужению мужа и жены кормити их. Или не вѣсте, яко неправедницы царствия божия не наследят, якоже апостоль Павелъ рече: «Аще некии братъ именуемъ или блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или ругатель, или пья-

ница, или хищник – с таковыми ни ясти, ни пити». И паки рече: «Ни идолослужители, ни прелюбодѣй, ни сквернителя, ни малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствия божия не наследятъ», но достоинъ от всякаго зла блюсти-ся всякому христианину.

Перевод

КАК В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТЬСЯ, ЧИСТОТУ ХРАНИТЬ И НИКАКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТИ

А в церкви стоять на службе со страхом и в тишине молиться. Дома же всегда павечерницу, и полунощницу, и часы петь. А кто увеличит службу ради своего спасения, то в его воле, потому что и больше награда от бога. А женам ходить в церковь Божию часто, насколько возможно, по собственному желанию и советуясь с мужем, а в церкви ни с кем не беседовать, стоять в молчании, слушать, не оглядываясь, ни к стене не приклоняться, ни к столбу, и с посохом не стоять, и с ноги на ногу не переступать; руки сложив на груди крестом, крепко и неустанно молиться со страхом и трепетом и со вздохами, слезами; не выходить до конца службы из церкви, придти же к самому началу. По воскресеньям же, и в праздники господни, и в среду, и в пятницу, и в святой пост, и в богородицын день – пребывать в чистоте, а объедания, и пьянства, и пустых бесед, и смеха непристойного всегда остерегаться, ни на кого не гневаться и отказываться от воровства, и от блуда, от лжи и клеветы, от зависти и всякаго неправедного побора: от ростовщичества, от наживы вином, от взятки, от платы за проезд через твой мост и от всякаго иного обмана. От ранних питья и еды и от поздних после церковной службы воздержитесь, если же пить, то только во славу Божию и в положенное время; малых детей и работников кормить по усмотрению мужа и жены. Или не ведаете, что неправедные в царство божие не войдут, как апостол Павел сказал: «Если же какой-то человек известен как блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или насмешник, или пьяница, или грабитель, – с такими ни есть, ни пить». И еще сказал: «Ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни воры, ни пьяницы, ни строптивцы, ни разбойники в царство божие не войдут», – потому и нужно христианину от всякаго зла охранять себя.

Текст

КАКО ДѢТЕМ ОТЦА И МАТИ ЛЮБИТИ И БЕРЕЧИ И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ И ПОКОИТИ ИХ ВО ВСЕМЪ

Чада, послушайте заповѣди господни, любите отца своего и мать свою, и послушайте их, и повинуйтесь имъ по бозѣ во всемъ, и старость ихъ чтите, и немощь ихъ и скорбь всякую от всея душа понесите на своей выи, и благо вамъ будетъ, и долголѣтны будете на земли, симъ очистите грѣхи своя и от бога помилованы будете, и прославитеся от чловѣкъ, и домъ его будетъ благословѣнь в вѣки, и наслѣдит сыны сыновъ твоих, и досътигнѣтъ старости маститы, во всякомъ благодѣньствѣ дни своя препровожают. Аще ли кто злословить или оскорбляетъ родителя своя или кленеть, или лаеть, сий пред богомъ грѣшенъ, отъ народа проклятъ; аще кто биеть отца и мать – отъ церкви и отъ всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градскою казнью да умрет, писано бо есть «Отча клятва иссушит, а матерня искоренить» Сынъ или дочь, не послушливы отцу или матери, в пагубу имъ будѣтъ, и не проживуть дней своихъ, иже прогнѣвают отца и досажаютъ матери. Мнится не согрѣшая к богу, и есть поганого горѣ, и обѣщникъ есть нечестивымъ, о них же пророкъ Исаия рече: «Возмется нечестивый, да не видит славы господня» Сихъ нечестивыи именована, иже бесчествуют родителя своя и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость матерню, да съключють их врановѣ и снѣдят орли. Честь же творяй отцу и матери, и повинующеся имъ по бозѣ во всѣмъ, возвеселитися имуть о чадах своихъ, и в день печали избавит их господь богъ, и молитву ихъ услышит, егоже просят, подасть имъ вся благая, покояй мать свою волю божию творит и угрожаяй отцу во благихъ проживет. Вы же, чада, дѣломъ и словомъ угрожайте родителемъ своимъ во всякомъ блазѣ совѣте, да благословени будете отъ нихъ отчее благословение домъ утвердит, и матерня молитва отъ напасти избавит. Аще ли оскудѣют разумомъ в старости отецъ или мать, не бесчествуйте ихъ, не укаряйте, да от своихъ чадъ почтени будете, не забывайте труда матерня и отцова, яже о васъ болезноваша и печални быша, покойте старость ихъ и о нихъ белезнуйте, якоже они о вас. Не глаголи много: «Сотворих имъ добра одѣяниемъ и пищею, и всякими потребамы», но ни си свободи, симъ не можеша бо ею родити и тако ею болети, яко она о тебѣ; тем же со страхомъ раболѣпно служити имъ, да и сами отъ бога мзду примете и жизнь вѣчную наслѣдите, яко свершители заповѣди его вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома,

погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пенеи властей, и злою досадой.

Перевод

КАК ДЕТЯМ ОТЦА И МАТЬ ЛЮБИТЬ, И БЕРЕЧЬ,
И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ, И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ

Чада, вслушайтесь в заповеди господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и бог вас помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать, – пусть отлучат от церкви и от всех святынь и пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо написано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, непослушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца дней своих, если прогневают отца или досадят матери. Кажется он себе праведным перед богом, но он хуже язычника, сообщник нечестивых, о которых пророк Исаия сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы господней». Он назвал нечестивыми тех, кто бесчестит родителей своих и еще насмехается над отцом и укоряет старость матери, пусть же склюют их вороны и сожрут орлы! Честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их господь бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое; утешающий мать свою волю божью творит и угождающий отцу в благодати проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как и они о вас. Не говори много: «Оказал им добро одеждой и пищей и всем необходимым», – этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь их породить и заботиться так, как они о тебе; вот почему со страхом служи им раболепно, тогда и сами от бога примете дар и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди его.

Текст

КАКЪ ВСЯКОЕ ПЛАТЬЕ КРОИТИ И ОСТАТКИ И ОБРЕСКИ БЕРЕЧИ

В домовитомъ обиходѣ коли лучится какое платья кроити себѣ или жене, или дѣтемъ, или людемъ камчато или тафтяно, или изуфрено, или кушачно, или зенденинное, или сукняное, или армячное, или сермяжное, или кожи как не краити, или са гадакъ, или на седло или омѣтюкъ, или сумы, или сапаги, или шуба, или кафтанъ, или терликъ, или однорятка, или кортель, или лѣтникъ и каптуръ, или шапка, или нагавицы, или какое платно ни буди, – и самъ государь или государыня смотри и смечаетъ остатки, и обрески живутъ, и тѣ остатки и обрески ко всему пригожаютца в домовитомъ дѣле поплатить ветчаново товож портища или к новому прибавить, или какое ни буди починить, а остатокъ или обрезокъ какъ выручить, а въ торгу устанешъ прибираючи в лицо тѣмъ видомъ в три дороги купиш, а иногда и не приберешъ. А коли лучится какое платно кроити молоду человеку, сыну или дщери или молодой невѣске, лѣтникъ или кортель, или шуба с поволокою, или опашень зуфрянъ или камчат или объяръ, или отласъ или бархатъ, или терликъ или кафтанъ, – и што ни буди доброе и, кроячи, да загибати, вершка по два и по три на подоле и по краемъ, и по швомъ, и по рукавомъ, и какъ вырастетъ годы два или три или в четыре, и, распоровъ то платно и загнутое отправит, опять платно хорошо станет, кое платья не всегда носити, то такъ краити

Перевод

КАК ВСЯКОЕ ПЛАТЬЕ КРОИТЬ И ОСТАТКИ И ОБРЕЗКИ ХРАНИТЬ

Если случится платья какое кроить в домовитом хозяйстве – себе, или жене, или детям, или работникам: камчатое, или тафтяное, или шерстяное, или златотканое, или хлопчатое, или суконное, или из серпянки, или сермяжное или кожи какие кроить на сагайдак, или на седло, или на шлею, или на сумки, или на сапоги, или шубу, или кафтан, или терлик, или однорядку, или кортель, или летник и каптур, или шапку, или нагавицы, или какое иное платья, – и сам господин или госпожа смотрят и подбирают остатки, а обрезки хранят, и те остатки и обрезки ко всему пригодятся в домовитом деле: заплату наставить на обветшавшей одежде, или новую удлинить, или какую из них починить; а если на рынке искать остаток или обрезок, так намаешься, подбирая по цвету и виду, да втридорога купишь, а иногда и не сыщешь. И если придется какую одежду кроить для молодых, сыну или дочери или молодой невестке, летник, или кортель, или шубу с покрывалом, или опашень шерстяной или камчатый, или шелковый с золотом, или атласный, или бархатный, или терлик, или кафтан, – и что-нибудь доброе, то, кроя, следует загибать вершка по два и по три на подоле и по краям, возле швов и по рукавам; а

как вырастет он года через два или четыре, распоров ту одежду, загнутое выправить, опять одежда впору будет; и какая одежда не на каждый день, также кроить ее.

Текст

ВСЯКАЯ ПОРЯДНЯ ДОМАШНЯЯ ДЕРЖАТИ

А всякому рукодѣлю и у мужа, и у жены, всякая бы порядня и и снасть была в подводвории и плотницкая, и портново мастера, и железная, и сапожная, и у жены бы всякому ей рукодѣлю и домовитому обиходу всякая бы была порядня своя, и держано бы то бережно, гдѣ что пригоже ино что себѣ ни зделалъ, и них-то ничево не слыхалъ, в чюжии дворъ не идешь, ни пошто свое без слова. А поваренная порядня и хлѣбная, а все бы было у себя сполна и мѣдяное, и оловяное, и железное, и деревянное – каково ся лучить, а лучится у кого кокая ссуда взять или свое дать саженье или мониста, или съкрута женьна, судно серебряное или мѣдяно, или оловяное, или какое платно, и како ни буди запасъ пересмотрити и нового и ветшаного, гдѣ измято или избито, или утло, или што гдѣ изваляно или подралося, и которая на чемъ ни буди притча, или што не цѣло, – и все то исчести и смѣтити и записати, и хто емлет, и хто даетъ – объма то бы было вѣдомо. А что вѣсовое – то бы извешено, и всякой ссуды бы цѣна поставлена по грѣхомъ какова притча станетца, ино на обѣ стороны хлопотовъ и остуды нѣтъ, ино тому платежь

Перевод

ВСЯКИЙ ПОРЯДОК ДОМАШНИИ СОДЕРЖАТЬ

А для всякого рукоделья и у мужа и у жены всякое бы орудие в порядке было на подворье: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное, а у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы порядок был свой, и держалось бы все то бережно, где что нужно: и что себе ни сделал – никто ничего не слышал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова. А поварские принадлежности и хлебопекарные все бы были у самого сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное, – какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: украшения или мониста или женскую одежду, сосуд серебряный, или медный, или оловянный или какое платье, – и как-нибудь запасы пересмотреть, и новое все и ветхое: где измято, или побито, или дыряво, или что где измазано или подралось, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело, – и все то пересчитать, и отметить, и записать – и кто берет, и кто дает – обоим то было бы ведомо. А что можно взвесить – то бы взвешено было, и всякой ссуде определили бы цену: по

нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, ибо цена известна.

Сочинения Максима Грека

Литературное наследие Максима Грека обширно и многообразно. Большинство произведений его не поддаются датировке. В сочинениях Максима Грека впервые в русской литературе появляется тема предопределения, неумолимого рока. Предлагаемый отрывок является частью знаменитой «Повести страшной и достопамятной и о совершенной иноческой жизни». В повести содержится подробный рассказ о деятельности и гибели Иеронима Савонаролы.

Текст

Едино же нѣкое исправление похвално, съдѣяно бывше единою же-ною убогою, повѣмъ любителемъ добродѣтелей, из него же и им же воз-могутъ разумѣти силу богодухновенныхъ учений мужа оного. Сынъ убо-гья оная вдовици, обрѣтъ на улипи поврѣжену мошну камчату, в ней же бяше златиць 500, отнесе къ матери своей. И она, видѣвши, не възрадо-валася о семь, яко таковымъ обрѣтениемъ избыти хочет послѣдняго убо-жества своего, ниже съкрыла у себе, но абие отнесла ю къ священному учителю граду и рече: «Се, преподобнѣйше отче и учителю, виждь: мошну сию найде сынъ мой поврѣжену на улицѣ. Возми ю и, яко же вѣсть преподобие твое, да обрящеть потеряшаго ея, и отдажь ему свое, да не скръбь имѣеть неутѣшимую человекъ о семь». И учитель, удивив-ся правдолюбному норову вдовици и благословивъея, отпустилъ. Въ единъ же день, учя въ церкви, по скончании учения възопи: «Аще кто погубилъ имѣния, да станетъ въсреди и да глаголетъ количество погубле-наго имѣния, и качество мошны, и день, в он же погубилъ имѣние – и възметъ свое». И представъ погубивый имѣние и сказавъ учителю и день, и число, и образъ мошны. «Се имаши, – рече, – твое, о юноше, и убогую сию вдовицу, яко же произволяеши, утѣши, поне же избавила тебе мно-гья, ея же имѣль еси, скръби». И той, иземъ 100 златиць, даль ей съ вся-кою радостию. Колико похвалнѣйши вдова сия паче хвалимыя въ Еван-гелии двухъ ради лѣптъ, их же врѣгла въ даръ божий! Поне же она убо въ своихъ си и малыхъ показала боголюбное свое, сия же въ чюжихъ и многихъ гюказала свое правдолюбное и человеколюбное.

Перевод

Об одном только поступке похвальном, совершенном одной женщи-ной бедной, расскажу любителям добродетели, из которого они смогут

понять силу боговдохновенных поучений мужа того. Сын бедной этой вдовы, найдя на улице потерянный кошелек из камки, в котором было пятьсот золотых монет, принес его матери своей. Но она, увидев кошелек, не обрадовалась тому, что такой находкой она сможет избавиться от крайней своей нищеты, и не скрыла находки у себя, но тотчас отнесла ее священному учителю города и сказала: «Вот, преподобнейший отец и учитель, смотри: кошелек этот потерянный нашел сын мой на улице. Возьми его и, как знает преподобие твое, отыщи потерявшего кошелек и отдай ему его, чтобы не скорбел неутешно человек об этом». Учитель, подивившись правдолюбивому нраву вдовы, благословив, отпустил ее. Однажды, когда учил в церкви, он возгласил, окончив поучение: «Если кто потерял деньги, пусть выйдет на середину и пусть скажет о количестве потерянных денег, и приметы кошелька, и день, когда он потерял деньги – и возьмет свое». Тогда предстал потерявший деньги и сказал учителю и день, и количество денег, и приметы кошелька. «Вот тебе, – сказал учитель, – твое, о юноша, а убогую эту вдову, как хочешь, утешь, ибо она избавила тебя от большой печали, которую ты испытывал». Тот, вынув сто золотых монет, отдал ей с большою радостью. Насколько более заслуживает похвалы вдова эта в сравнении с той, которая восхваляема в Евангелии за две лепты, которые она положила в дар богу! Потому что та в принадлежавшем ей и в малом проявила свою набожность, а эта в чужом и значительном имуществе проявила свою правдивость и человеколюбие.

Сочинения Ивана Пересветова

Челобитные Ивана Пересветова – выдающиеся памятники XVI века, дошли до нас в списках XVII века. В своих произведениях Иван Пересветов выступает как идеолог самодержавного русского государства. Он обличает реакционное боярство, признает авторитет грозной царской власти. Его челобитные написаны простым энергичным языком, почти свободным от элементов церковнославянской речи, без обычных для его современников цитат из Священного писания, близким к фольклору и устной речи.

БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Текст

Мудрость греческих философов и латынских дохтуровъ и Петра, волоского воеводы. А вывез сия рѣчи и дѣла царьскія изо многихъ королевствъ ко благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Иван, Семенов сынъ, Пересвѣтов.

Аще кто хочет при помощи божии вѣдати, котораго царя мудрости его прирожденныя воинская оминет и приидет на него великая кротость, то и есть уловление врагов его: не будет царь мыслити о воинствѣ, ни о управѣ во царствѣ своем, и будет веселиться с тѣми, которыя ему сердце разжигают вражбами и многими прелѣстными путми. А на воинники свои великие кручины напустит и на все царство свое неуголимья бѣды великия от вельможъ своих. Да ничто же ему не будет мило, ни которая мудрость воинская, ни жития царства того. Или которыя мудрости воинския будут доходить до него или от его прирожденной мудрости царской, и учнет ставити их ни за что.

И так рече Петръ, волоский воевода: «Да есть ли хотѣти царской мудрости отвѣдати о воинствѣ и о уставе жития царьского, ино прочести взятие греческое до конца, и не пощадити себя ни в чем, да тамо найдет всю помощь божию. Богъ помогает не ленивым, но кто труды принимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит. Правда – богу сердечная радость, а царю великая мудрость»

Перевод

Пусть, с божьей помощью, всякий, кто хочет, знает, что когда пропадает у царя врожденная воинская доблесть и сходит на него великая кротость, это и есть происки врагов его: не будет царь помышлять ни о военном деле, ни об управлении царством своим, а станет веселиться с теми, кто распаляет ему сердце гаданиями и путями различных соблазнов. И напустит он великую печаль на своих воинов, на все свое царство великие неуголимые беды от своих вельмож. И все будет ему немило, ни воинская доблесть, ни существование всего царства. А если будет добиваться доступа к нему кто-либо из умудренных в делах войны или собственная его врожденная царская доблесть, то поставит он их ни во что.

А Петр, молдавский воевода, так сказал: «Если желаете узнать о царской умудренности в военном деле и о правилах царской жизни, то прочтите о полном порабощении греков и не пожалейте себя при этом, – тамто и найдете божью помощь. Бог помогает не ленивым, а тем, кто трудится и бога призывает в помощь, тем, кто любит правду и судит праведным судом. Правда – сердечная радость богу, для царя же-великая мудрость».

Текст

Государю благозѣрному царю и великому киязю Ивану Васильевичу всеа Русии бьет челом холоп твой государевъ, выежжей из Литвы Ивашко, Семснѡв сынъ, Пересвѣтов. И вывез есми, государь, тебѣ

рѣчи, государю, изо многих королевствъ и от Петра, волоского воеводы, и дѣла твоя царския. И тѣ, государь, рѣчи и дѣла легли в казнѣ твоей государеве, а меня, холопа своего, за тѣ рѣчи и дѣла вѣлѣлъ горазда пожаловати. А тѣ, государь, рѣчи и дѣла и до сѣхъ мѣсть пред тобою государемъ не бывали. Ино, государь, противен пред тобою, государемъ, а дѣла твои, государь, у меня службы моей.

А в тѣхъ, государь, королевствахъ твоему царскому прирожению и небесному знамени велми дивилися, и восхвалили, и слѣвили мудрыя люди, философи греческия и дохтуры латынския, и рѣкли про тѣ рѣчи: «Годится такову царю воинску от бога мудрому прироженному таковыя рѣчи златом росписати про себя на многие лѣта держати, п после себя иному царю оставити таковыя дѣла и славу свою царскую». А яз, государь, тѣ рѣчи и дѣла достал в королевствах в мудрыхъ людех. Как тебѣ, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?

А яз, государь, выѣхал с тѣми рѣчами из Литвы, – уже тому 11 лѣтъ минула, – служачи тебѣ, государю благовѣрному, царю великому вѣрному, поминая своих пращур и прадѣд, как служили вѣрно государем, рускимъ великим князем, твоим пращуром: Пересвѣт и Ослябя в чернцѣхъ и в скимехъ со благословением Сергия-чюдотворца на Донском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче за вѣру христианскую и за святыя церкви, и за честь цареву пострадали, главы своя положили. А яз, холопъ твой, на то же выехал на твое царское имя, во всем тебѣ, государю, вѣрно служить, сколько богъ поможетъ.

Пишут о тебѣ, государе, мудрые философи греческия и дохтуры латынския, о благовѣрном великом царѣ, что будет о тебѣ, государе, слава велия во вѣки, яко о цесарѣ Августе и о царѣ Александре Макидонстем, и тако же и о тебѣ, государе, тѣ мудрые философи пишут и о твоем государеве воинстве, и о мудрости твоей. Да и то начитают в мудрыхъ книгахъ своих, яко введешь правду великую во царство свое и утѣшишь бога сердечною радостию.

Перевод

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бѣет челом холоп твой государев, приехавший из Литвы, Ивашка, сын Семена, Пересветов. Привез я тебе, государь, из многих королевствъ изречения, а также и Петра, воеводы молдавского, и бумаги, касающиеся твоего царства. Изречения эти и бумаги положены, государь, в твоей государевой казне, а меня, твоего холопа, велел ты, государь, за эти бумаги и изречения хорошо наградить. Но изречения эти и бумаги до

сих пор, государь, к тебе не поступали. Так что, государь, это копия перед тобой, государь, а бумаги твои, государь, у меня по службе моей.

Ведь в тех королевствах, государь, мудрые люди, греческие философы и латинские доктора, очень удивлялись небесным знаменьям и царственному твоему предназначению, восхвалили и прославили и сказали об этих изречениях: «Нужно, чтобы такой доблестный царь, с мудростью, дарованной от бога, речи эти расписал золотом и держал у себя многие лета, а по себе другому царю оставил эти бумаги и царскую свою славу». Я же, государь, достал эти изречения в королевствах у мудрых людей. Как понравится тебе, государь, услуга моя, твоего холопа?

А я, государь, прибыл с этими изречениями из Литвы – уже исполнилось этому одиннадцать лет, – чтобы служить тебе, государь, благоверному и верному великому царю, памятуя о своих предках и прадедах, как служили они верою великим государям князьям русским, твоим предкам: Пересвет и Ослябя, в чернецах и схиме, по благословению Сергия-чудотворца при князе великом Дмитрие Ивановиче приняли страдания на Донском побоище и головы свои сложили за веру христианскую, святые церкви, за честь государя. И я, холоп твой, для того же прибыл в твое распоряжение, чтобы с божьей помощью во всем, государь, служить тебе верно.

Пишут о тебе, государь, о благоверном великом царе, мудрые греческие философы и латинские доктора, что будет о тебе, государь, великая слава вовеки – как о цезаре Августе или о царе Александре Македонском. Так и о тебе, государь, пишут мудрые эти философы, и о твоём государевом войске, и о мудрости твоей. И с того начинают в своих мудрых книгах,

Какую великую справедливость введешь ты в своём царстве и утешишь бога сердечной радостью.

Текст

Государь, благоверный царь и великий князь Иванъ Васильевнч всеа Руси! Был есми в Сочаеве у Петра, волосково воеводы, пять мѣсяць холоп твой Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов и видел есми мудрость великую. И тѣ рѣчи говорит от научения вѣры мудрости философския, занеже государь сам Петръ ученый философъ и дохтур мудрый. Служили ему многия люди философи мудрыя и говорили про твое царское приращение по небесному знаменю, что быти тебѣ государю великому и покорит ти богъ недруги твои тебѣ, государю. Божию помощию, дочлися в книгахъ, что обладати тебѣ многии царства.

Толко, государь, то начитают в своих мудрыхъ книгах в видоцѣях что будет на тебя на государя уловление, яко на царя на Константина царяградскаго от вражды и от кудес, то знаменуется у них укрочение воинству твоему мудрому. Будут доходить велможи твои любви твоея царския с враждами, и с кудесы, и с прелестными путми ни по роду, ни по вотчине, ни по воинству, ни по мудрости, которая бы мудрость пригодилося тебѣ, государю, и славе твоей царской, и в твоём царстве государеве. И то они начитают, что тѣми кудесы и враждамы твою мудрость, от бога прироженную, и счастье отнимают, и воинство кротят, к чему тебя, благовѣрнаго царя, богъ природил, а велможи твои к собѣ сердце твое разжигают и великую любовь, и не мошно от них часу отбыти. И видел есми государь, что Петръ, волоский воевода, стал пред образом пречистые владычицы Богородицы молитися со слезами о твоём многолѣтнем здравии, чтобы свершил господь богъ твое царское прирожение к воинству счастливое во умножение вѣры христьянской, во исполнение правды в твоём царьстве, как ихъ имѣ книги указывают о твоём царском прирожении по небесному знамению, и от ловления вражды, а твоихъ велмож и от кудесов всякихъ богъ избавит своею святою великою милостию, чтобы его не оминуло царское от бога мудрое прирожение и счастливому к воинству, к чему ево бог природил. Тако рек Петръ, волоской воевода: «Толко его богъ соблюдет от того уловления велмож его, ино такового под всею подсолничною не будетъ мудраго воина и счастливаго к воинству»

Перевод

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич! Был я, холоп твой, Ивашка, сын Семена, Пересветов, в Сочаве у Петра, молдавского воеводы, пять месяцев и посмотрелся я на великую мудрость. Изречения эти произносит он от наставлений веры и от философской мудрости, потому как, государь, Петр и сам ученый философ и мудрый доктор. А ему служили многие люди, мудрые философы, и прорекли они по небесным знаменьям про царственное твое предназначение, что будешь ты великим государем, и тебе, государь, бог покорит врагов твоих. Вычитали они с божьей помощью в книгах, что будешь ты владеть многими царствами.

Однако, государь, прочитывают они в своих мудрых книгах и городскопах, что будут тебя, государь, уловлять ворожбой и колдовством, как царьградского царя Константина, обозначено у них и укрочение воинского твоего духа. Будут добиваться твои вельможи твоей царской любви ворожбой, колдовством и путями соблазна, но ни родом, ни происхо-

ждением, ни воинским духом, ни мудростью, а мудрость бы эта понадобилась тебе, царю, и твоей славе царской в твоём царстве-государстве. Прочитывают они и то, что этим колдовством и ворожбой лишают тебя твоей мудрости, богом данной, и удачи, укрощают дух твой воинский, для чего тебя, благоверного царя, создал бог, а вельможи твои к себе склоняют твое сердце великой любовью, так что без них не можешь ты и часа быть. И видел я, государь, что Петр, молдавский воевода, встал перед образом пречистой владычицы нашей богородицы со слезами помолиться о многолетнем здравии твоём, чтобы исполнил господь бог твое царское счастливое и мудрое предназначение к воинским делам для укрепления христианской веры, для наполнения правдой твоего царства, как указывают им по небесным знакам их книги о царском твоём предназначении, чтобы избавил тебя бог своей святой и великой милостью от вражеских уловок твоих вельмож и от всякого колдовства, чтобы не покинуло тебя мудрое от бога царское предназначение к удачным военным делам, на что создал тебя бог. Так сказал Петр, молдавский воевода: «Если только сохранит его бог от уловок вельмож его, по всей вселенной не будет такого мудрого воина и счастливого в военных делах».

Послания Аввакума

Выдающийся русский писатель Аввакум Петров (1621–1682), идеолог и вождь религиозно-общественного движения старообрядчества, известен прежде всего как создатель автобиографического Жития (1672–1675), написанного им в заключении, в земляной тюрьме Пустозерского острога. Однако не меньшее значение имеет эпистолярная проза Аввакума. В письмах и посланиях Аввакума отражены многие обстоятельства его трагической судьбы, сделаны первые описания, вошедшие впоследствии в Житие. Разнообразные «грамотки», послания, челобитные обращены к разным адресатам.

Послание царю Федору Алексеевичу («Челобитная») было написано вскоре после вступления нового царя на престол (30 января 1676 года) и выражает надежды на изменение отношения нового царя к старообрядцам. В традиции русских посланий на царское имя не было таких дерзких по тону, пренебрегающих требованиями придворного и литературного этикета. Возможно, именно это послание стало причиной резкого ужесточения режима в пустозерской тюрьме.

Обнаруженные четыре письма семье показывают, насколько важную роль играла семья в духовной жизни Аввакума. Цель данного письма – успокоить и поддержать павшую духом жену Анастасию Марковну, по-

павшую в земляную тюрьму. Аввакум пытается пробудить у жены и детей надежду на скорое изменение ситуации.

Текст

ПОСЛАНИЕ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ (ЧЕЛОРБИТНАЯ)

Благаго и преблагаго бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному государю нашему, свѣту-свитилу, рускому царю и великому князю Федору Алексѣвичу.

Не смѣю нарещися богомолецъ твой, но яко нѣкий извергъ, и непричастень ногам твоимъ, издалеча вопию, яко мытарь: «Милостивъ буди ми, господи!»; подѣстилаю главу и весь орган тѣла моего со гласомъ: «Милостивъ буди ми, господи!», яко серафинисса, жена еллинска, къ сыну божию, ибо и пси ядятъ от крупиць, падающихъ от трапезы господий своихъ. Ей, песъ есмь азъ, но желаю крупицы твоя милости.

Помилуй мя, странного, устранишагося грѣхами бога и человекъ, помилуй мя, Алексѣвичъ, дитячко красное, церковное! Тобою хочеть весь миръ просвѣтитися, о тебѣ люди божия расточенныя радуются, яко богъ намъ дал державу крѣпкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконьми моими, ниже, в вѣк враждовавъ, соблюди золь моихъ, зане ти еси царь мой, и азъ рабъ твой; ты помазанъ елеомъ радости, а азъ обложенъ узами желѣзными, ты, государь, царствуешь, а азъ во юдоли плачевной плачюся. Увы мнѣ! Кого мя родм мати моя! Проклять день, в онъ же родихся, и ночь она буди тьма, еже изведе из чрева матере моя!

Царю, послушавъ, от лють мя избави: единъ бо еси ты нашему спасению повинень. Аще не ты по господѣ бозѣ, кто намъ поможетъ? Столпи поколебашася навѣтомъ сатаны, патриарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо – бог вѣсть! – Али и умроша. Увы погибе благоговѣйный от земля и нѣсть исправляющаго в чловѣцѣхъ! Спаси, спаси, спаси ихъ, господи, ими же вѣси судбами! Излей на нихъ вино и масло, да в разумъ приидуть!

А что, государь-царь, какъ бы ты мн далъ волю, я бы ихъ, что пророкъ Илия, всхъ перепласталъ во единъ часъ. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и святилъ, чаю...

Богъ судить между мною и царемъ Алексѣемъ. В мукахъ онъ сидеть, слышал я отъ Спаса; то ему за правду. Иноземцы тѣ что знаютъ? Что велѣно имъ, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвремь, предали турку, да и моего Алексѣя въ безумии поддержали, костелники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!..

Чюдо! Чюдо! Заслѣпиль дияволь! Отеческое откиня, имѣ же отцы наши, уставомѣ, до небесѣ достигоша, да странное богоборство возлюбаша, извратишася. Не я своимѣ умысломѣ, скверной, затѣваю, ни, ни, никако же, но время открьет, яко чаша в руцѣ господни неразтворенна исполнь растворения, и уклони от сея в сию, обаче и дрождие его не искидашася. Псаломопѣвецъ глагола: «И дрождей не кинеть даром, но испиють е вси грѣшнии земли». Рече господь: «Имѣяй уши слышати да слышитъ».

Прости, прости, прости, державне! Падѣ, поклоняюся! Прости, прости, господа ради, в чемѣ согрубиль тебѣ, свѣту. Благословение тебѣ от всемогущия десницы и от меня, грѣшнаго Аввакума протопопа. Аминь.

Текст

ПИСЬМО СЕМЬЕ

Возлюбленнии, молю вы, яко странники и пришелцы, отгребатися от плотскихъ похотей, яже воуют на душу нашу. Воистину, по пророку, вся суета, а все суетие. О нужныхъ заповѣдано промышлять, но излишняя отсѣкать. Аще о внѣшнемѣ всегда будемѣ пещися, а о души когда будемѣ промышлять? Тогда, егда умремѣ? Мертвый не дѣлает, мертвому тайны не открываются. Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе створиль? Токмо видим воню от гроба злосмрадну исходящу и червьми тѣло растлѣваемо, понявою повиваемо и землю покрываемо. Увы, красный уныль и ясенѣ померкѣ! Гдѣ благолпие лица, гдѣ светлейши очи, гдѣ юности зракѣ нашѣ? Все исше, яко цвѣтъ, яко трава подсѣчена бысть. Воистину, вся увяди смерть. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти. Гдѣ нынѣ родѣ и друзи? «Се бо разлучаемся!» Воистину, суета человѣческая.

Послушай, Марковна, али не такѣ говорю? Ей так! Чего для печешься о излишнихъ и о плотскихъ скорбишѣ? Глаголете ми: «Не знаемѣ, какѣ до конца доживать!» Имѣюще пищу и одежду, симѣ доволни будем, а о прочихъ возложимѣ на бога. Али богѣ забыль насѣ? Ни, ни! «Аще и забудетѣ мати помиловати рожения своего, но азѣ не забуду, – рече господь. – Не пять ли птицѣ цнится единому пѣнязю, и ни едина от нихѣ падеть безѣ воли отца смоего. Васѣ же и власы главныя вси изочтени суть. Не убойтеся, убо мнозѣхѣ птицѣ лутше есте вы». Имеши ли речению сему вѣры? Повѣрь, не ложно. Рече господь: «Нѣбо и земля мимо идуть, а словеса моя не имуть преити». Развѣ невѣрен и невѣжда не иметь сему вѣры! Азѣ вѣрую богу моему, ему же и служю всѣю совѣстию от чиста сердца, яко будетѣ, такѣ и есть, еже рече господь.

А егда обнажихся во имя его пресвятое и от труда повалился в тѣмницѣ, молитву говорю лежа, псаломъ: «Внуши, боже, молитву мою и не презри моления моего», и прочая. Егда доидохъ рѣчи «умянуша слова ихъ паче елея, и та суть стрѣлы», примрачило умъ мой о томъ мѣстѣ. И речено ми, надо мною, от образа: «Возверзи на господя печаль свою, и той тя препитаеть, не дасть въ вѣкъ молвы праведнику». И вскочилъ поклонихся господеву. А самъ говорю: «Ты же, боже, низведеши ихъ в студенець истлѣния», и прочая. Потому и рубашку съ себя скинулъ и повергъ неимущимъ. Нагъ оттолѣ и донын, – уже три года будетъ, – да богъ питаетъ мя и согрѣваетъ, и вся благая подаетъ ми изобилно. Слава о всхъ сихъ творцу и содѣтелю всѣхъ Христу-богу, и богородице-свѣту со бесплотными и со всѣми святыми!

И ты, Марковна, положиися всею крѣпостию душевною на Христа и богоматерь: она, надежда наша, не оставитъ насъ погрузатися в невѣрствии и бури. Вѣмъ, яко попреезлиха о насъ печется она и промышляетъ, всеупование наше и покрываетъ насъ кровомъ крылу своею, и от врагъ ограждаетъ же. Надолго ли бы ми жили, аще бы не она насъ защищала?..

А ныншнюю зиму потерпите толко маленко: силенъ богъ, уже собакъ тѣхъ, перепутавъ огненнымъ ужемъ, отдасть намъ в руки, тогда умѣй спасать ихъ. А что имъ попущено от насъ умерщвять, – и то добро такъ, по господню речению збывается.

Воистину, господь силенъ, не боюся никого! Упование намъ на него, владыку. Яко лев рычи, живучи, обличая ихъ многообразную прелесть...

Богъ проститъ всѣхъ смалодушествующихъ и паки возвращайся на первое достояние. Аминь.

Завещание Нила Сорского

Нил Сорский – русский церковный и общественный деятель второй половины – начала в., автор ряда произведений, редактор и переписчик книг. Прославился как заволжский «старец», идеолог «нестяжательства, наполненной умственной работой жизни в лесной «пустыни» с небольшим количеством учеников. Завещание характеризует его как человека, избегавшего мирской славы и заботившегося о судьбе тех книг, которые писал он сам, и тех, которыми он пользовался.

Текст

Во имя Отца, и Сына, и святого Духа. Завѣщаваю яже о себе моимъ приснымъ господиямъ и братиям, яже суть моего нрава: молю вас, повѣргните тѣло мое в пустыни сей, да изыядятъ е звѣрие и птица, поне-

же съгрѣшило есть къ богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сътворите, и вы, ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣ же живемъ, съ всякимъ безчестиемъ погребите мя. Бойте же ся слова, иже великий Арсеній завѣща своимъ ученикомъ, глаголя: на судѣ стану с вами, аще кому дадите тѣло мое. Мнѣ потщание, елико по силѣ моей, что бых не сподобленъ чести и славы вѣка сего никоторые, яко же в житии семъ, тако и по смерти. Молю же всѣх, и от мене прощение. Бѣг да простит всѣх.

Крестъ болшей, что в нем камень страстей господних, тако ж и что писал есми сам книжки, то – господѣ моей и братии, кто учнетъ трѣпѣти на мѣстѣ семъ. Аще бы потщалися по мнѣ службу священную сотворити до 40 дней, о том велми челомъ бью. Малыя книжицы, Иоаннъ Дамакинъ, «Потребникъ», – и «Ермолай» тако ж здѣ, – Псалтирь в четверть, Игнатиева писма, – въ Кириловъ монастырь. И прочіе книги и вещи Кирилова монастыря, что мнѣ давали за любовь Божию, чие что есть – тому и отдати; или нищим; или монастыря коего; или отъинуду христороубца коего, что въ лицѣх, – тому и отдати.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Горшков А. И.* История русского литературного языка. М., 1969.
- Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- Мещерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981.
- Памятники литературы Древней Руси. XI – нач. XII вв. М., 1978.
- Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980.
- Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.
- Памятники литературы Древней Руси. XIV–XV вв. М., 1981.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3 изд. М., 2002. С. 112–268.
- Хагазеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. Словарь риторических фигур. Курс лекций для студентов. Ростов-на-Дону, 1999.
- Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 60–90.

СОДЕРЖАНИЕ

Признаки церковнославянского языка восточнославянской редакции в сопоставлении со старославянским.....	5
Основные различия между церковнославянским и древнерусским языком.....	7
Тексты.....	18
Методические указания к анализу письменных памятников второй половины XIV – середины XVII вв.	56
Тексты.....	60
Литература.....	107

Учебное издание

Мощенская Людмила Григорьевна
Супрун-Белевич Лидия Ростиславовна

История
русского литературного языка:
тексты и задания

Ответственный за выпуск *Л. Р. Супрун-Белевич*
Компьютерная верстка *О. В. Костюкевич*

Подписано в печать .11.2008. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. , . Уч.-изд. л. , . Тираж 100 экз. Зак.

Налоговая льгота – Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.400.

Белорусский государственный университет.
Лицензия ЛВ № 315 от 14.07.98.
220050, Минск, пр. Ф. Скорины, 4.

Отпечатано в Издательском центре БГУ
220030, Минск, Красноармейская, 6.